

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин

Повесть .

Даниил Гранин – лауреат Государственных премий СССР и России. Автор книг "Иду на грозу", "Зубр", "Картина" и других, каждая из которых знаменовала определенный этап в становлении общественного сознания в нашей стране. Роман "Вечера с Петром Великим" впервые опубликован в нашем журнале и был отмечен Государственной премией России (2002).

В конце ноября Сергей Погосов взял отпуск на две недели. Он набил рюкзак любимыми своими продуктами, вроде сала, овсянки, сушеных яблок, кураги, а также консервами, какие были в угловом гастрономе, взял тренировочный костюм, математический справочник, транзистор, ноутбук, прихватил спальный мешок, ключ от дачи Щипаньского и через два часа очутился в ином прекрасном мире. То было царство заброшенности и такой настоенной тишины, что ему заложило уши. Первые дни заняли хозяйственные хлопоты. Погосов законопатил рамы, наколол дрова, прочи-стил дымоход большой железной печки. Простые эти работы нисколько не мешали ему думать, даже наоборот, способствовали. У себя в лаборатории он тоже любил подметать свой кабинет, заклеивать окна. Сотрудники удивлялись – чем он занимается, для этого есть лаборантки, зачем ему, доктору наук, тратить свое драгоценное время, что за толстовство? На это он отвечал нравоучительно: "Я как раз нисколько не отвлекаюсь, а вот лаборантка, подметая пол, действительно отвлекается и тратит свое драгоценное время".

После армянского симпозиума что бы Погосов ни делал, мысли возвращались к тому конфузу, что произошел с его докладом. Первую часть слушали с интересом, посмотрели фильм, где показано было, как причудливо ведут себя светящиеся шарики, как они возникают при газовом разряде, что выделяют. Ему бы закончить на этих странностях. Пусть бы сами гадали, отчего да почему. Нет, не утерпел, выдал свою теорию. Вот вам модель, она позволит по-новому подойти и к проблемам атмосферного электричества, а может, и земного магнетизма и так далее. Тут и началось, пошло-поехало: ишь, какой прыткий, куда его занесло, на что замахнулся, откуда это следует, бездоказательно, вот здесь уж явное не то, ошибочка математическая, выносить надо, а это выкидыш.

Молодое столичное светило федько ехидно заметил, что, конечно, Погосов взлетел высоко, но сесть не может. Старик Арутюнов считал, что задача настолько сложна, вряд ли ее можно решать нынешним математическим аппаратом.

Многие тогда погарцевали. Пустились на охоту за его ошибками вместо того, чтобы обсудить загадку полученного явления. Разрушить разрушили, а к объяснению никак не приблизились.

Директор института вызвал Погосова и долго попрекал его за неудачное выступление, оно может сказаться на заказах, военные и так жмутся с деньгами, репутация отдела пострадала да и репутация самого Погосова.

Директор был расстроен, и, когда Погосов попросил отпуск за свой счет, чтобы поискать решение, он замахал руками: еще чего, кому нужно это решение, сейчас не до теорий, надо военный заказ доводить до дела.

Погосов понимал его положение: институт бедствовал, зарплату задерживали, но все равно работать Погосов не мог, ничего в голову не лезло.

Приехал заказчик, усатый роскошный генерал, теперь они вдвоем наставляли Погосова. Какие могут быть отпуска, сейчас задача оправдать затраченные средства, решать загадки природы за счет государства будем позже.

- Вы не Эйнштейн и не Ландау, вам, по-моему, показали это в Ереване.

Барственный голос генерала не допускал возражений. Но Погосов и не возражал, смотрел, как полированные генеральские ногти постукивают по столу. Попробовал сказать, что все же институт научный, а не мастерская при воинской части, сказал виновато и вызвал начальственное недоумение.

- Кто вам платит? Мы платим, так что извольте делать то, что нам надо. Нам! Дорогой вы мой. Ученые труды создавать за народные денежки при нынешних условиях

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru не получится, вы уж потерпите, голуба.

Эти ученые никак не могут привыкнуть, что они уже не хозяева положения, благодарны должны быть, что хоть кто-то их подкармливает.

Директор выставил примирительную бутылку коньяка, они втроем выпили, закусили яблоками.

- Вы полагаете, генерал, что вы наши кормильцы? Откуда у вас денежки? Может, наоборот. Это мы вас кормим. Вы же ничего сами не производите. Только расходы. И еще кое-что. - Так хотелось Погосову сказать на тему армейских порядков.

Но от коньяка он смягчился, да и все расслабились. В конце концов Погосова уломали.

Спустя неделю он пришел на прием к директору, признался, что зациклился он на своей задаче, настаивать бесполезно и тянуть бесполезно. Только зря торчит в лаборатории.

Директор страдальчески мотал головой.

- Мало ли чего кому не хочется. Есть дисциплина, и будьте любезны. Я ведь могу и по-другому заговорить.

Погосов безразлично пожал плечами. Он тоже может. Что он может? А очень просто, уволиться и уехать куда угодно, например, в Германию. Его приглашали.

На эти слова директор то ли стиснул голову, то ли сжал уши, осточертели ему эти угрозы, отъезды, гранты, эмигранты. Уезжайте, сваливайте в Австралию, Японию, куда хотите.

- Дезертиры! Мутанты! - повторял он озлобленно, и Погосов - мутант, кругом мутанты, люди, лишённые души, все разговоры о чести, о родном институте им просто непонятны, ругать их нет смысла. Все определяет выгода, бизнес...

Голос его вдруг надломился, сник - надо уходить, наверняка он сам что-то перестал понимать, держится за старомодные понятия - воюет за институт, ищет заказы, выпрашивает деньги, как будто институт нужен одному ему. Взяв у Погосова заявление, тут же подписал ему отпуск на месяц.

Дачный поселок давно опустел, грибная пора кончилась, лыжная не наступила. Леса стояли притихшие, еле слышно потрескивал листопад. К вечеру тишина подступала вплотную. Хотелось включить транзистор, пойти на шоссе, но Погосов не позволял себе поблажек.

Последние дни в институте все мешало ему. Накинулся на Леночку из-за какой-то опечатки, кричал безобразно, губы ее сразу опухли, она ничего не могла ответить.

Безлюдье, поздняя осень, мелкие звуки в притихшем остро свежем воздухе. Медленно он приходил в себя. Садился за компьютер, сидел перед мерцающим экраном. В городе казалось, что стоит избавиться от институтской дерготни и сразу накинется на работу. Проходили дни, в голове ничего не появлялось. Вдруг обнаружил, что думает о чем-то постороннем.

Вместо одиночества он очутился в непривычном обществе самого себя, никогда раньше он не оставался с собою один на один, так, чтобы думать о своих возможностях, о том, способен ли, к примеру, решить эту проклятую задачу. По силам ли ему? Он не привык к неудачам. Раньше ему все удавалось. Потому что - талант. Давно уже числился талантливым. А вот и кончалась пора надежд, отцвели хризантемы... Неужели все дело в конфузии с докладом? Ошибки - ерунда, ошибки поправимы, хуже, что на самом деле явление, которое он наблюдал, ему самому непонятно. Путаные его объяснения в Ереване задробили, все оказалось куда сложнее, может, задача эта ему не по зубам. Конечно, кто-то ее обязательно решит, и решение окажется обидно простым. Так бывает со всеми открытиями. "Господи, а мы-то думали..." Когда-то он читал про Фарадея, как тот годами не мог найти закон индукции, искал, искал, и вдруг однажды пришло откровение и все стало выглядеть очевидным. Наверняка то же случится и с его задачей. Он

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
обнародовал ее, и кто-то уже ломает голову над ней и вот-вот обгонит...

В то утро он встал примиренным, кротким. Будем делать все, что можем, и до тех пор, пока можем. Как говорили древние, пусть не хватает сил, но желание все же похвально.

Вскипятил кофе, для него всегда "в начале было кофе".

Эйнштейн десятилетия бился над теорией единого поля, бился, бился и не добился. Бедствия великих людей весьма помогают.

Вышел на крыльцо. От легкой пороши на дворе посветлело. Дятел стучал по электрическому столбу. Будем, как все, как Фарадей и прочие коллеги.

Наклонив голову в красном беретике, дятел покосился на Погосова, застучал с новой силой. Во все стороны летела коричневая труха.

Спрыгнув с крыльца, Погосов пустился в утреннюю пробежку. Дорога тянулась вдоль штакетников, заколоченных дач, глухих заборов, покинутых детских площадок. Всюду пусто, ни души, ни дымка, ни собак. Погосов свернул по тропе, к дюнам, к морю. Ледок стеклянно звенел под ногами. Сквозь тонкий снег тропа просвечивала пальми листьями и погибающей травой. С дюн открылся залив. Вода блестела, еле шевелась. Слева на горизонте висело копотное марево, обозначая дальний город. Из свежего, чистого утра с острым запахом хвои и моря было непонятно, зачем там, в мгlistом чаду, в тесноте живут люди, зачем стремятся туда от простора и тишины.

Вдоль обреза воды шла незаснеженная полоса песка. Было приятно бежать по влажной ее упругости. Легкие исправно раздувались, каждая альвеола растягивалась, он чувствовал любую клеточку своего тела, руки отмахивали шаг, помогая отталкиваться от этой небольшой провинциальной планеты на краю Галактики. Хотя насчет провинциальности у Погосова последнее время появились сомнения.

И физика атмосферы, и плазма – то, чем он занимался, все чаще приводило его к согласию со странной идеей Щипаньского, что весь этот мир, вся Вселенная устроены целесообразно, абсолютно точно подогнаны под существование человека. Земля как планета находится в том единственном месте, где может жить человек и прочие твари, следовательно, она и есть центр Вселенной. Если б не эта проклятая задача, можно было бы заняться...

Переходя на шаг, он глубоко дышал, наслаждаясь вкусом воздуха, различая слабые запахи то камыша, то водорослей. Рядом лежал остывающий залив. Тепло дрожало над его серой гладью. В утреннем покое тело Погосова растворялось и парило, покинув свои печали. От полноты чувств он хрипло запел:

Есть только МИГ

Между прошлым и будущим...

И тут он увидел на подмерзшем песке четко отпечатанный след женских туфель.

Женщина шла в том же направлении. Шла не так давно, однако впереди берег был пуст. Погосов оглянулся. Судя по рубчатому следу его кед, он давно уже бежал рядом с ее следом. Можно было подумать, что они гуляли вместе по этой отмели, нога в ногу.

След повернул к лодке, вытщенной на берег. Ледяной нарост бахромой свисал с ее борта. Погосов постоял, отломал себе ледяную сосульку, приложил к щеке, как в детстве.

...Подводя итоги дискуссии, Кирсанов сказал: пока что идея Погосова как проблема Господа Бога – нельзя доказать, что его нет, и нельзя доказать, что он есть...

Погосов перепрыгнул через ручей. Но если нельзя доказать отсутствие, то что отсюда следует?.. Продолжая размышлять, он обогнул каменную гряду. И женский след проделал то же. Для того, кто пройдет здесь позднее, они покажутся трогательной утренней парочкой. Забавно, как прошедшее получает иной смысл в будущем. Вернее, будущее по-своему видит минувшие события. Историки, очевидно, постоянно сталкиваются с тем, как меняется прошедшее...

Неожиданно следы оборвались. Разом. Были – и вдруг оборвались. Дальше ничего, во все стороны – плотный сырой песок.

Погосов остановился. Странно – сняла туфли? Босиком по мерзлоте? Все равно должны были остаться какие-то отпечатки. Отмель тянулась гладкой поверхностью, разве что испещренная звездочками птичьих лап. И никого впереди.

Превратилась в птицу?..

Зябко передернулся, побежал дальше.

Позже, сидя за компьютером, подумал – вот загадка следов, если придерживаться здравого смысла, абсолютно не разрешимая. То есть если придерживаться обыденного опыта. А известно, что ученому здравый смысл не помощник. Беда в том, что он ищет решение своей задачи в пределах привычного, так же как с этими следами, в пределах плоскости, а ведь есть другие измерения, куда она взяла и вспорхнула. Должно быть решение, ибо нет необъяснимых вещей...

А собственно, почему нет? В природе все может быть. Разве есть запрет на непознаваемое, то, что никогда не может быть познано?

К вечеру в доме начинало что-то потрескивать, шуршать. Звуки никак не нарушали непривычную до звона в ушах тишину. Затопив печь, Погосов садился к огню. Время исчезало, переселяясь туда, в живое пламя топки. Горячие отсветы обдавали его лицо, он не помнил, была ли в детстве в их доме печь, но что-то такое было, потому что и это ворочание кочергой и сладкий угарный запах были знакомы.

Поленья рассыпались, уголь меркнул, оставались маленькие синие язычки огня.

Последние головешки надломались, огонь сам шевелил их, подгребал к себе. Погосову казалось, что он сидит здесь уже годы, состарился, так и не найдя решения, жизнь кончается, больше ничего не будет. Время, которого всегда не хватало, бездумно утекало в небытие. Завороженно он слушал его мерное, ничем не заполненное течение, смотрел, как в синем огне сгорали минуты и часы.

Ночью ему приснился старик армянин в фанерной будке, что стояла на улице, где жил Погосов. На будке висела вывеска: "Исправление" и ниже мелко: "Ботинки, туфли, сапожки". Как-то он принес старику сапоги. Старик оказался занятым, сказал: "Все хотят исправить других, а где образец?" На стене будки было написано: "Исправляю ошибки". Старик почитал рукопись Погосова, сказал, что можно все исправить и решить.

Обойдется дорого. Сколько? Деньги старика не интересовали.

– Чего вы хотите? – спросил Погосов.

– А что у тебя есть? Женщина любимая есть?

Погосов задумался, женщины у него были, но любимой не было. С Надей они развелись, она взяла сына и уехала год назад со своим немцем в Германию. Недавно звонила из Дортмунда, рассказывала, как хорошо живет.

– Ничего у тебя нет, – сказал старик.

– У меня есть степень, – обиделся Погосов, – есть имя.

– Ладно, давай свое имя.

– Как так? Для чего?

– А мы его уничтожим.

Старик сказал, что его работу, исправленную, он опубликует под именем Тырсы.

– Наума Яковлевича? С какой стати?

– Тогда – Федько.

- Ни за что! Мы с ним противники.
- Не все ли тебе равно, чья подпись будет. Все исправим, решим.
- А вам какая выгода?
- Ты всюду выгоду ищешь. Ты враг науки, ты не хочешь истины... Взять его! - вдруг крикнул старик.

Появились двое, взяли Погосова под руки, повели. Женщина в золотой короне выслушала старика армянина, приказала: "Уничтожить!" Погосова посадили в "Мерседес", захлопнули дверцу, вкатили под пресс, который плющил негодные машины. Погосов не мог выбраться, двери были без ручек. Он кричал, бил стекла. Стальная плита опускалась. Женщина и старик армянин наблюдали, фотографировали.

Погосов кричал, что он согласен на все. Никакая работа не стоит его жизни, погибнуть из-за какой-то глупости! Ужас его нарастал, но где-то в самой глубине, в самом закоулке сознания он уже понял, что это сон, однако не отказался от сладкой завораживающей жути и желания досмотреть, увидеть свою гибель...

На следующее утро Погосов, добежав до старой, раздвоенной наподобие лиры сосны, прислонился к ней. Слабое живое тепло исходило от ствола. Берег засеяло снежной крупкой, у обреза воды появился ледок. Чистая песчаная полоса сузилась. Вчерашние следы оплыли, от женских каблучков остались малозаметные ямки. Сильно, как бы напоследок пахло гниющей тиной... Обоняние, детское обоняние, когда ощущались малейшие запахи, словно возвращалось к нему.

В редких снах Погосову обычно виделось нечто смутное, забывчивое. Нынешний сон имел угрожающий сюжет, что-то он наверняка обозначал. Чем, в сущности, сон отличается от реальной жизни? Так же действуюешь, говоришь, только переживания сильнее, и ужасы, и восторги, и слезы острее. Сон эссенция жизни. И так же, как в реальности, самого себя не видишь. Почему сны тысячи лет остаются необъяснимым явлением, - размышлял Погосов, - ни физиологи, ни психологи не могут научно истолковать, а толкуют разные ворожеи.

Эта мысль осталась недодуманной, ибо в этот момент Погосов увидел впереди женщину. В желтом плаще, в брюках. Она удалялась от него, помахивая камышинкой. Через несколько минут Погосов нагнал ее. Высокие ее сапожки отпечатали знакомый след. Сохраняя некоторое расстояние, Погосов перешел на шаг... фигура ее спортивная, плечистая, поднятый воротник закрывал шею, ветер растрепал короткие коричневые волосы.

У перевернутой лодки женщина остановилась, обернулась к нему. Была она старше, чем он полагал. Лет двадцать восемь - тридцать, она оглядела Погосова, оценивая его рост, фигуру, костюм.

- Доброе утро, - буркнул Погосов.

Знакомиться, нарушать одиночество не хотелось, но промолчать не мог.

- Значит, это вы гуляли вчера здесь. Я знаю вас по следам.
- Вы следопыт? - и улыбнулась приветливо, даже обрадованно, и он не удержался от улыбки.
- Следователь, исследователь, преследователь, последователь...
- Это вы меня преследуете?
- Что вы здесь делаете с утра пораньше?
- Оставляю следы.

Она, определенно, радовалась их встрече. С чего бы? Актриса? Тырса подослал разыграть?

- Кто вас научил этому фокусу со следами? Наум Яковлевич?

- Кто, кто?

- Не связывайтесь с Тырсой, он вас охмурит и бросит.

- О чем вы?

Они шли вдоль шуршащей шуги. Льдинки громоздились друг на друга, смерзались, мелкая зыбь приносила новые, зима начинала свои работы. Погосов оглянулся: парные следы – его зубчатые кеды, ее каблуки – тянулись за ними.

- Я шел вчера по вашим следам. Шел, шел, и вдруг они пропали.

- Ну и что?

- Куда вы подевались?

- Видите, нашлась.

- А все же... Я ломал себе голову, не мог придумать. Покоя не дает ваш фокус.

- Хорошо, что не дает.

Она вдруг побежала, Погосов за ней. Бежала она легко, чуть отталкиваясь. У заколоченного пляжного киоска остановилась, Погосов запыхался.

- Вы что, спортсменка?

- Люблю бегать.

- Вы тут живете?

- Нет. Как у вас хорошо! – Она окинула разом широкую гладь воды, туманное утро с еле заметным пятнышком солнца.

Погосов согласно вздохнул, потом спросил:

- Все же откройте, как вы это делаете? Со следами.

- Без этого никак?

- Конечно, ерунда, а работать мне мешает.

- Чем вы тут заняты?

- А-а-а, – он безнадежно махнул рукой. – Бьюсь лбом о стену. Вас как звать?

- Лера.

- Так вот, Лера, исследую, что крепче – лоб или стена.

- Стена цела?

- Сочувствуете стене? – Он постучал себя по лбу. – Не хватает! Надо бы бросить, не могу, хоть тресни. Так и топчусь, ни тпру, ни ну...

Вряд ли она могла что-либо понять, где его заколодило, но слушала, не останавливала. Неизвестно, с чего его понесло.

Звенели льдинки. Тонкий звук исходил от берега, мешался с шипящей волной.

- Ледостав, – сказал Погосов.

- Последняя волна. Завтра она замерзнет.

- Хорошее утро, – отозвался Погосов. – Меня зовут Сергеем... Сергей Максимович. Извините, если что...

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Все правильно, все было правильно, - твердо ответила Лера.

Дальше они шли молча вдоль воды. Среди выброшенного тростника попадались пластиковые бутылки, пакеты, банки, канистры. Море пыталось избавиться от этого мусора. Чайки сидели шеренгой на отмели.

Шел легкий, пустой разговор, треп, разминка. Погосов пытался понять, откуда взялась эта особа здесь рано утром, и вчера она тоже здесь прогуливалась. Из поселка? Но она не знала, в какой он стороне. Санаторий "Дюны" был в двух километрах отсюда, но она шла не оттуда.

- У вас это утренняя зарядка. А потом? За работу?

Погосов поморщился.

- Считается, что так.

- В чем же смысл?

- Смысла нет, но ничем другим заниматься не могу.

- Узкая у вас специальность.

Она посмеивалась снисходительно, что раздражало Погосова.

- Специальность ни при чем.

- Не злитесь. Я понимаю, от меня требуется сочувствие, утешение, так положено женщинам.

- Я специально для этого сюда пришел.

- Вам что, надо обязательно узнать, кто я, откуда? Настоящий ученый не должен отвлекаться.

- Откуда вам знать, у вас муж ученый, младший научный сотрудник?

- Почему младший? - Она расхохоталась. В ней было какое-то скрытое превосходство, как будто ей было что-то известно о Погосове.

Она спросила, в чем состоит его работа, спросила недоверчиво, словно проверяя. Посмеиваясь, он поиграл перед ней с критерием Олсена. И добавил про искривление полей.

- Хотите поставить меня на место, - сказала Лера, - между прочим, хороший специалист делает это иначе.

Получилось, что она поставила его на место, и тогда он уже совершенно иначе, увлеченно, как он умел, заговорил о молниях, о том, как природа, шутя, мечет молнии длиной в десятки километров, в лабораториях же можно получить лишь в тысячу раз меньшие разряды. Про тайны Северных сияний. Про шаровые молнии - неведомые странные создания с необъяснимым поведением.

- И вам это все надо понять, бедный вы, бедный. - Она хихикнула, и в то же время тронула его руку. Это был жест близкого человека.

Вдруг она приложила палец к губам:

- Слышите?.. Еще немного, и оно умолкнет.

- Море самое совершенное и законченное творение, - сказал Погосов, ему незачем меняться.

- Вы это к чему? - спросила Лера.

Погосов пожал плечами.

- А к тому, чтобы бросить... Бросить все к чертовой матери... и делать лишь то,

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
что положено.

- Что бросить?
- Эту проклятую гонку!
- Вы ведь делаете то, что хотите.
- Э-э-э нет, надо всем доказать, мне нужна слава.

Разве объяснишь, что ему нужно на самом деле. Как известно, на свете счастья нет, но есть покой и воля. Именно воля. Лучшего смысла жизни не найти. Но и Пушкин не мог вырваться ни к покою, ни к воле... Вот опять труба зовет, пора взваливать свой крест. Он посмотрел на часы, постучал по стеклу: надо возвращаться.

- Вы уверены?

Глаза их встретились. В зеленоватой тьме ее глаз не было ни смешинки, ни ребячества, а было нечто серьезное, направленное прямо к нему.

Солнце то появлялось, то исчезало среди перистых облаков. Повернули обратно. Лера взяла его под руку, зябко прижалась и тотчас отстранилась, но Погосов решительно вернул ее к себе, они зашагали в ногу. Пальцы их сошлись, Погосов пожимал их и получал ответ, полузабытая, безмолвная игра.

Бледная тень облака перемещалась вместе с ними, и они никак не могли выйти на солнце.

- Помните у Блока, - сказала Лера.

Как мало в этой жизни надо

Нам, детям, - и тебе и мне.

Ведь сердце радоваться радо

И самой малой новизне.

- Да, да, - сказал Погосов, хотя ничего такого не помнил, - это точно!

Дойдя до лодки, Лера уселась на перевернутое днище лицом к солнцу и усадила его рядом, плечом к плечу. Было приятно жмуриться от слепящего блеска воды, чувствовать тепло женского плеча. Давно он не позволял себе расслабиться.

У нее был какой-то неясный акцент, еле заметный. Не хотелось расспрашивать, она тоже ни о чем не спрашивала. Сидеть вот так, не слыша тиканья уходящих впустую секунд. Он вдруг подумал: почему впустую, не слышать времени - это и значит жить.

Так они сидели, что-то происходило между ними, что именно, он не знал, потом увидел, как съежилась его тень на песке.

- Э-э, солнышко-то уже...
- Вам что, плохо сидеть?

В голосе ее было то откровенное обещание, что бывает у женщин, уверенных в своей силе. Погосов давно убедился, что обещания эти не оправдываются, но здесь была еще и настойчивость.

- Вы ничего не забыли? - спросила она.
- Что я мог забыть?
- А следы?

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Да, да... давайте показывайте, как это делается.
- Вы в самом деле не знаете?
- Ладно, не темните.
- Дело не в следах. - Она вдруг посерьезнела. - Вы могли бы отправиться со мною?
- Куда?

Она кивнула в сторону залива.

- На катере?.. Надолго?
- Время тут ни при чем. Вы ничем не рискуете. Впрочем... - Она подумала. - Ничего не могу обещать.

Погосов хмыкнул.

- Если ничего не обещаете, то зачем мне это?
- Я серьезно. В любую минуту вы сможете вернуться.
- Знаете, дорогуша, я не люблю, когда меня разыгрывают. Наверняка все окажется ерундой. Вам лишь бы посмеяться. А мне нынче не до шуток.
- Как хотите, - она произнесла это почти с облегчением.

У Погосова был хороший предлог распрощаться. И без того у него отхватили кусок рабочего утра.

- Выкладывайте мне насчет следов, и я пошел. Встретимся завтра.
- Завтра мы не встретимся... Мы больше не встретимся.
- Жаль. У меня были виды на вас.
- У меня тоже.
- Ого!.. Давайте зайдём ко мне, выпьем водочки для согрева. Лично я уже замерзаю, да и вы тоже.
- А как же работа?
- А больше ничего не будет, не надейтесь. - И Погосов нахально подмигнул. Постепенно к нему возвращался привычный тон.

Глядя на него, она спросила:

- Хотели бы вы познакомиться со своей душой? Услышать ее?
- Боже сохрани!
- Вы слишком рассудительны. Значит, я ошиблась, извините. Счастливой вам работы, и не жалейте.
- О чем?

Она пожала плечами.

- Мало ли что мы упускаем.
- Лучше об этом не знать... - Он поднял руку в прощальном жесте и побежал к поселку.

Через несколько шагов Погосов обернулся. Она стояла, смотрела ему вслед. Он

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
чертыхнулся, повернул назад.

- Послушайте, так нельзя, - сказал он. - Вы должны объяснить. У меня весь день будет испорчен.

- Тогда вы должны отправиться со мной.

- Зачем? - машинально вырвалось у него. - А-а-а, пошли куда угодно.

- Не боитесь?

Что-то предостерегающе екнуло у Погосова в груди, поэтому, наперекор, он зажмурился, изображая отчаянность.

Когда потом он восстанавливал события, он неизменно возвращался к этой минуте как к точке отсчета. Лера крепко взяла его за руку, некоторое время держала, потом чуть оттолкнулась от земли, вступила на воду, и Погосов тоже. Неумело брызгаясь, пытался идти, как она, пугался своей легкости, почти летучести, какая бывает во сне. Мысль о сне помогала рассудку освоиться, она же убеждала, что это не сон.

Берег отдалялся, вместе с ним намеченная на сегодня работа. Погосов оглянулся: следы их оборвались.

- Видите, как просто, - сказала Лера.

Это "просто" вызвало еще больше вопросов.

С какой стати он ввязался в эту авантюру, нарушил обещание отшельнической жизни, хорош он будет, если эта русалка сейчас уйдет под воду.

Налетел ветер, срывая чаек с волны. Желтый лист прилепился к Лере, ее плечу. Они двигались все быстрее, миновали рыбака, в резиновой лодке с двумя удочками, он безразлично проводил их глазами и опять уставился на свои поплавки. Погосов понимал: того, что происходит, не может быть, и понимал, что слишком уверен в невозможности.

Впереди на воде появилась впадина, большая, целый кратер. Не воронка, когда вода крутится, мчится вниз, здесь вода застыла неподвижно, вдавленная какой-то силой.

- Осторожно, - предупредила Лера, притянула его к себе, и они покатались вниз, как с горы.

Далее в памяти Погосова следовал пробел, один из самых досадных. Вызван был, видимо, головокружением, возможно, на какое-то время сознание его отключилось, пришел он в себя в тесном помещении без окон, с низким серым потолком. Уши болели, сдавливало грудь. Он полулежал в кресле, лицо его обдувало прохладой с запахом трав. Лера переговаривалась с пареньком в халате лимонного цвета. Парень этот пил кофе, заедал крутым яйцом и повторял Лере: "Тебя предупреждали... Не знаю, как Грег... Не знаю".

Погосову дали выпить кружку горячего черного напитка, горького и приятного.

На стенах мерцали экраны; стояла аппаратура, громоздились какие-то пыльные приборы, обстановка типичной лаборатории и успокоила Погосова, и разочаровала обыденностью.

Появился Грег, сияющий приветливостью, весь отполированный, начиная от пробора напомаженных волос до блистающих туфель, господин VIP Величественный Импазантный Протектор. Он обошел Погосова, осмотрел его заношенный лыжный костюм, драные кеды, вязаную, когда-то белую шапочку, которой Погосов накрывал чайник. Если добавить к этому давно не бритую физиономию, то Погосов мог сойти за бомжа.

- Итак, вы занимались плазмой, - сказал Грег счастливым голосом. - Это газ, ионизированный.

Не дослушав, Погосов вопросительно посмотрел на Леру.

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- ...вы весьма поэтично описали: "Молнии - огненные мосты между облаками", - процитировал Грег, весело сверкая белыми мелкими зубами, похоже, у него их было больше положенного.

- Вы что, подслушивали? - спросил Погосов.

- Что-то в этом роде. Но вам же эта система знакома... - И Грег сделал жест, как бы издали потрепав Погосова по плечу.

Не теряя времени, он предложил Погосову ознакомиться с не известными ему материалами по плазме, взамен он, Погосов, дает возможность произвести над ним нужные замеры.

Какие замеры, о чем вообще речь, Погосов не понял. Начались какие-то приготовления, подкатили два кресла, появились еще люди в халатах, стали замерять у Погосова давление, пульс, еще что-то.

Погосов согласно кивал, что не означало согласия, не хотелось выяснять, допытываться, что к чему, зачем. Пусть идет, как идет, забавляясь, он вяло наблюдал за тем, что творилось с ним, шел какой-то эксперимент, в конце концов, жизнь, если по Щипаньскому, тоже эксперимент, поставленный кем-то.

- У вас не может быть не известных мне материалов, - сказал Погосов. Вы ведь не знаете, чем я занимаюсь. И не можете знать. И не должны.

- Это почему? - спросил Грег.

- Потому что речь идет о секретной тематике.

- Секретной? - Грег удивился. - Вы еще возитесь с этой чушью, неужели вы не поняли, как мешает вам секретность?

И он разразился монологом о том, что, когда секретность помогает военным скрывать, что ракеты летят не туда, когда фирмы утаивают безумные затраты на моторы, а новые материалы оказываются негодными, секретность все покрывает.

В заключение он разъяснил, что нужные сведения Погосов сам найдет. Секретное быстро становится несекретным. Время распечатывает любые сейфы.

Все было правильно, и все вызвало у Погосова неприязнь. Говорил Грег без возмущения - снисходительность этнографа к нелепым обычаям прежних времен. "Представляю, как вам приходилось", - повторил он.

Небольшой пульт на подлокотнике был снабжен джойстиком, кнопками управления - звуком, изображением, красная кнопка позволяла выключить установку, произвести измерения.

На голове Погосова закрепили металлический обруч. Рядом с ним, в таком же кресле сидела Лера. Свет медленно меркнул, и Грег сказал, что можно начинать - "пускаемся в контент-анализ".

Погосов не сразу понял, что с ним творится. На большом экране он видел, как он вместе с Лерой искал в электронном каталоге материалы по низкотемпературной плазме. Все это он видел перед собой на экране, сам же продолжал оставаться в кресле. В темноте он нашел руку Леры, проверяя себя. Ощущение раздвоения было мучительное - он сидел здесь и одновременно находился там. Он видел себя того, то, что происходило там, все отзывалось в нем, его "я" расщеплялось надвое. Он был там и тут.

- Отключаемся? - озабоченно спросила Лера.

Погосов остановил ее. Там, в каталоге, он нашел монографию Вебера, на самом деле она только готовилась к печати, а здесь уже имелась. Дальше шли материалы конференции в Беркли, которая должна была состояться через год. Сидящий в кресле Погосов ошеломленно откинулся на спинку, помотал головой, чтобы отделаться от наваждения, а тот, тыча в каталог, закрычал:

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Откуда это у вас? Что за ерунда!

Кричал именно тот, экранный, электронный, виртуальный, черт знает, как его называть. И совсем пришел в неистовство, увидев аннотацию своего сообщения, перепечатанную в двух журналах. Какое такое сообщение, он понятия не имел, он не делал такого сообщения!

- Покажите ему бумажный вариант, - раздался голос Грега. - Ему привычнее.

- Нам полезно прерваться. - Лера взяла Погосова под руку, повела к лифту.

Они спустились в книгохранилище, пошли по узким проходам между стеллажами. Запах книг, бумажной пыли, все это Сергей Погосов ощущал, сидя перед экраном, так же, как оттиски статей, те, что перебирал тот Погосов, стоя у полок.

Была все же разница с тем Погосовым. В чем она состояла, Сергей еще не уловил, ощущение было странным, как будто какая-то часть его действовала самостоятельно. Здешний Погосов чувствовал себя главным владельцем "я" Сергея Погосова, его самости, тот же был самоуправец, отчасти бесконтрольный. Порой они совпадали, и тогда Сергею передавалось лихорадочное нетерпение, с каким тот перебирал журналы, листал брошюру Федько, за ней сборник статей с предисловием Лундстрема. Хватал следующие книги, оттиски и вдруг замер. Сергей еще не уловил, что там произошло, но сердце его сжалось.

Он читал вместе с ним, Лера следила за кривой на экране.

- Это мое? - почти беззвучно спросил Погосов, и Лера кивнула.

В статье были типично его выражения, его манера, он узнавал себя и не узнавал, авторские рассуждения уводили куда-то в сторону, в астрофизику. Сомнительные догадки неожиданно выскочили там, где ничего не могло быть, и они привели к уравнению, довольно изящному, где была ссылка на опыты какого-то Стива Миринда, "с точностью до пятого знака они дают возможность...".

Идея уравнения выглядела абсурдной, непонятно, как она могла прийти в голову. Перед ним раскрывалась многоходовая шахматная комбинация, где имеется абсолютно неприступная позиция, но делается один нелепый ход, второй, и вдруг позиция противника рушится... Он еще приглядывался, вникая, когда тот Погосов, опережая его, подпрыгнул, закричал ликующе:

- я сумел! Все получается! - Закружился, схватил ту Леру, там чмокнул ее в одну щеку, в другую, она не сопротивлялась, а та, которая рядом, довольно засмеялась.

Сергей позавидовал Погосову на экране, безоглядному его поведению.

Еще оттиск - перепечатка в немецком журнале. Он листал, не мог насмотреться.

Бурная его радость вызывала у Сергея недоверие, слишком легко и просто все разрешалось. Уравнение выглядело убедительно, но оставалось чужим. С ним надо прожить, освоиться, а тот Погосов уже рвался вперед. Зачем ждать, можно нынче же опубликовать решения. До него не доходили увещевания Леры. Ничего не выйдет, охлаждала она, как бы он ни старался - не выйдет. Нельзя получить фотографию ребенка, который еще не родился. Будущее обогнать нельзя.

Ответ уже подступал к Сергею, в самом деле - опыты Стива Миринда? Без них на что ссылаться? Без них откуда взять данные, как получить коэффициент? Черт возьми - не перескочить. Зато он, Погосов, знает, что это будет, говорила Лера, - это тоже немало, а если знает, будет вести себя иначе.

Она улыбалась обоим Погосовым сразу невесть откуда. Ничего измениться не может, события уже произошли, они находятся в самом надежном хранилище в прошлом, Господь Бог и тот не властен над ними.

Пока что Погосова мало привлекали собственные перемещения во времени, то есть в будущее, которое превратилось в прошлое. Какое именно прошлое, насколько прошлое - ему было не важно, он вживался в свое открытие, осмысливал парадоксальный ход догадки, смелость своей мысли, то есть не своей, а той, что придет к нему когда-то...

Взгляд Погосова застыл, бессмысленный, невидящий, изображение на экране поблекло. Лера пыталась вернуть Погосова. Хотя стрела времени, по ее словам, всегда направлена в одну сторону, траектория ее меняется под воздействием чего-то, стрела времени не одна, их две – психологическая и термодинамическая. Из этих мало понятных Погосову рассуждений каким-то образом выходило, что публикация – это одно, а само содержание может выявиться раньше, от этого сдвигов в науке не произойдет, обычная судьба преждевременных открытий.

Торжествующее, победное чувство поднимало его над всем, что было. "Уравнение Погосова" – такое название загуляло в литературе. Не верили, он им нос утер! Всем вставил!

– Значит, я все же допер? – допытывался он. – Решение есть! Оно имеется!

И Лера кивала, и подтверждала: все это было на самом деле, уже было, а для него будет!

Он был переполнен собой – он достиг! То есть достигнет, он знал, что это свершится.

С детства он мечтал о чуде. Встретить волшебника, попасть в зачарованное царство, случается же что-то сказочное с другими мальчиками и девочками, почему чудеса обходили его – жизнь катилась по рельсам, проложенным кем-то, неукоснительный ход поглотил и отрочество и юность, перемалывал годы в песок, в нечто не отличимое от таких же жизней. Но детство, кажется, добилось своего: не могла же его жизнь, единственная, неповторимая, закончиться просто так.

Лера пыталась охладить его, успех его не в будущем, а в прошлом, ему еще предстоит добираться, потому что он перескочил то, что было... Но Погосов слушать ее не хотел. Что это за прошлое, если его еще не было... Зачем ему такое прошлое, никуда не годное, пропущенное...

Между тем в книгохранилище Погосов продолжал ненасытно искать свою фамилию в следующих номерах журналов, в разных отчетах, бюллетенях, сводках, указатель выдавал ему ссылки, цитаты. Торопливость эта не нравилась Сергею. Тот Погосов как бы опережал, слишком уж независимо вел себя, не понимал, что он всего лишь дублер, виртуальная версия, мнимость, стоит нажать кнопку, и он исчезнет.

Однако дорылся-таки: двое китайцев и какой-то швед выступили с сообщением о необходимости внести поправки в "уравнение Погосова", при таких-то режимах и таких-то, преобразовали, что-то добавили. Погосов спорил, возникла дискуссия. Довольно ядовито выступил Федько. "Вызывает недоумение попытка Погосова во что бы то ни стало отстоять свою устарелую концепцию. Судя по всему, он считает, что значимость ученого соответствует тому, насколько ему удалось задержать развитие своей науки". Явственно Погосов услышал скрипучий голосок Федько. На экране Погосов громко матерно выругался, лицо его безобразно перекосилось, оскалилось. Впервые Сергей увидел свою ярость, мало того – тот Погосов вырвал страницу и стал топтать ее. Зрелище было постыдное.

– Дерьмо собачье! Подонок!

Сергей потянулся к красной кнопке.

– Не выключайте. – Лера остановила его руку. – Вы уже столько прошли. У вас хороший защитный эффект. Отличные показатели. Вы справились с фруктацией.

Кто бы мог подумать, что внутри него такая харя имеется. Ничего себе интеллигент, доктор наук.

– Происходят транзисторные переключения между разными восприятиями, успокаивала Лера. Упомянула еще какую-то "множественную личность", хотел бы он знать, что это еще за фрукт, щеголяют терминами, а, если по-простому, где его, Сергея Погосова, личность: на экране, или здесь, или витает над ними обоими?

Откуда-то зазвучал сочный баритон Грега:

– Вы думаете, это так просто; личность – самая сложная проблема, неизвестно, до

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
какого предела человек может изучать самого себя...

То-то же, торжествовал Погосов, он злорадствовал. Не добраться до него, значит. В душе он всегда сочувствовал, когда природа не давалась в руки, показывала свою

силу – тайфуны, извержения вулканов, грозы. Какая-нибудь божья коровка своими миграциями ставила в тупик целые энтомологические институты. Усмехаясь, природа брала реванш над наукой.

Рука сжала руку Погосова, лежащую на пульте. Лера наклонилась к нему, приговаривая быстро, тихо, так, чтобы слышал один Погосов, то есть оба Погосова, тот и Сергей: не стоит волноваться, все проходит, в науке тем более быстро устаревают, и это хорошо, когда работа окончена, надо забыть о ней, в науке даже для того, чтобы стоять на месте, надо идти.

Плечом он чувствовал ее грудь, а там, в книгохранилище, она, не стесняясь, поцеловала его. Было удивительно, что здесь в кресле он ощутил ее большие влажные губы, горячий язык и то, что никто не мог увидеть, откровенную чувственность этого поцелуя.

На экране Погосов обмяк, прижал ее к себе, бесстыдно притиснул грудь.

– Я вижу, он смелее вас, – шепнула Лера.

– Да, я бы так, при всех с вами не посмел, – признался Сергей. Потом, глядя на нахальное поведение своего двойника, сказал одно из своих обычных присловий: что посмеешь, то пожмешь.

Там, на экране, она отстранила его, но тело ее на мгновение ответно прижалось, выдав себя, так что это сбило его мысль, он представил, как она беззвучно смеется.

Все так же быстро и тихо она говорила о том, что наука, как бы ни была хороша, не нарушает течения жизни, а жизнь надо нарушать, иначе ее не ощущаешь. В науке сделает не тот, так другой, в науке человек заменим, а желание, оно незаменимо, оно мое, если оно исполнится, то моего счастья никто не исправит, не дополнит. Желание мое отличает меня от всех других людей.

Какая-то трещинка зазвенела в ее голосе.

– Ты отлично целуешь, – сказал Погосов, переходя на "ты", как это бывало после близости. – Может, ты права, может, я преувеличиваю, – добавил он, не растолковывая. – А Федько я не прошу.

Но через несколько минут тот Погосов нашел статью, подписанную двумя авторами – С.Погосовым и Ф.Федько. Совместная их работа... Недоумевая, он вертел отпечаток в руках, смотрел на Леру, беспомощно, неловко хмыкал. Представить нельзя, как такое могло получиться. Всего год спустя после того выступления. Что произошло между ними?..

– Я советую вам еще заглянуть вперед, – сказал Грег.

Зачем заглядывать, и так достаточно. На работу Погосова ссылались все реже и реже, чаще критически, пока и вовсе не перестали упоминать.

Наступило забвение, круги по воде разбежались и погасли, будто и не было ничего. Осталась горечь, одна горечь. Что же получается – бился, старался, карабкался, поражение сменялось отчаянием, добился; торжество, победа, и все: пришли другие, никто уж не вспоминает про него. За несколько минут проскочило... Обида навалилась на Погосова, поглотила все другие чувства. Не было обидчика, не на ком было выместить злость, напрасно Лера старалась отвлечь его, тормошила, он сидел набыченный, стиснув зубы. Она напонила слова из Библии – не беда сушит душу, а обида. От обид выгорает дотла душа человека, и ничего не вырастает на ней, не угодное Богу.

Добилась лишь того, что Погосов огрызнулся – Библия, разве она у вас не устарела, неужто упоминается; тоже небось коэффициент цитирования равен нулю. На

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
это она расхохоталась, сверкая зубами. Глупо, глупо расстраиваться, если потом придется оказаться на том же месте. Не сразу он понял, что это значит. Только потом дошла та путаница времен, в какой он оказался. Будет еще другой Погосов, которому предстоит пережить то же самое, будет ли ему еще хуже... Его поразило, что переживания того Погосова, которого еще нет, ему известны.

Ни с того ни с сего перед ним появился один летний полдень из юности, не обозначенный вроде никаким событием. Погосов куда-то торопился, шагал по проселку, через поле, к роще. Березы стояли неподвижно, ни один листок не шевелился в густой духоте. Когда он вошел в сквозную тень листвы, стало прохладно, потом и тут настигла жара, не полевая, пахучая, потная, с пылью, здесь была томная, как в духовке. Он остановился перед березкой, кто-то окорил ее, открылся испод, гладко бордовый, с шелковым блеском. Вдали просвечивал луг, был он розовый от клевера. Помнится, как Погосов прижался щекой к березе, обхватил ее и стал частью этой лесной истомы, слился с ней.

Помнилось что-то еще, может, он расчувствовался, заплакал, те слезы его казались теперь странными, вспоминая, он слегка взволновался, но волновался памятью ума, было жаль, что это все ушло из жизни сердца, видимо, навсегда.

- Что происходит, мы куда-то удалились?

- Ничего, ничего, - сказала Лера, - это интересный поворот.

Погосов подозрительно посмотрел на нее.

- У вас все замеряется? Все?.. Поцелуй тоже?

Лера покраснела.

- Дорогой Сергей, - произнес Грег, - вам надо разобраться, в каком времени вы находитесь. Вы передвигаетесь по шкале, не видя ее целиком. Попробуйте продвинуться еще немного, вам кое-что прояснится.

- С меня хватает, - буркнул Погосов.

Пока шли разговоры, на экране исчез Погосов, за ним и Лера. Осталось книгохранилище, в котором никого не было. Куда они подевались, неизвестно. Ощущение было такое, как будто он смотрел в зеркало и перестал в нем отражаться. Абсурдное, неприятное чувство. Он не то что бы привык, но смирился с тем, что существует тот Погосов, внутренний, каким-то образом выведенный наружу, и теперь он испытывал некоторое беспокойство.

Каким образом он сумеет объяснить происходящее, кто ему поверит, для Погосова должно было существовать хоть какое-то научное толкование, для него и для всех его друзей. Шмыгая всегда мокрым носом, Фрумкин не преминет язвительно поддержать его: давайте верить Сереже, потому что сие полностью абсурдно, наша страна сильна абсурдом, как сказал мэтр Щипаньский: "Умом Россию не понять, ее абсурдом надо мерить", - и тэ пэ.

Но сам Щипаньский бы поверил. И сразу вспомнилось кое-что из их последней встречи. Был юбилей старика. Погосов поехал с Надей. Купили букет, Погосов хотел еще торт, Надя торт отвергла - банально, едем к великому ученому, учителю Погосова, члену-корреспонденту, надо что-то элегантно, в то же время интеллигентное, к примеру, хороший галстук. Выбирала долго, попыталась, какие у мэтра глаза, швейцарские, какие костюмы он носит. Насчет костюмов Погосов не помнил, помнил, что старик выглядел всегда щеголем, ходил с тростью, большое кольцо, а на семидесятипятилетии в Доме ученых появился в бабочке.

Профессорские дома, как их называли, стояли в парке. Бордового кирпича, основательные, среди гладких могучих сосен. В подъездах метлахская плитка, мраморные каминные, швейцарская. Давно не бывал Погосов в этом доме, поэтому так поразили его грязь и разорение. Окна разбиты, стены исписаны, под ногами хрустит битое стекло.

На дубовых дверях сохранилась медная дощечка: "Альберт Казимирович Щипаньский".

Передняя была забита ящиками, мешками. С криком носились черноголовые ребяташки,

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
они проводили к профессору.

Гостей собралось немного, двое престарелых друзей, племянница Щипаньского, ее сын, рыжий юноша с косичкой. Хозяйничала старенькая, вся в кружевах, институтская библиотечка, она звучно расцеловала Погосова. Сам профессор удивил Надю, он никак не походил на описание Погосова, ничего величественного – лохматый, тощий, верткий старикашка, иначе не назовешь, склеротичный румянец, горбатый лиловый нос, нижняя губа выпячена, в большой зеленой женской кофте, его можно было принять за клоуна, за уборщика, только не за профессора.

Угощали картошкой с селедкой, кислой капустой, свеклой, колбасой. Главное блюдо выставила библиотечка – пирожки с капустой. Щипаньский посмеивался над скудостью стола: у меня разговоры большие, а хлеб-соль маленькие.

Пили водку, стояли еще банки с пивом. Могучим басом старик объяснял холодину: не топят злодеи; объяснял тесноту своего бывшего кабинета: ныне здесь и спальня, и гостиная – все, что осталось от квартиры, остальное сдаю гонимым сынам Кавказа – чеченцам. Вдобавок последние деньги ушли на ремонт надгробия на могиле жены – бронзовый барельеф сперли. Галстук привел его в бурный восторг, он повязал его поверх кофты то ли смеха ради, то ли от доброты. Надя смутилась, блистающий золотыми звездами галстук в этой закопченной комнате, среди ободранной мебели выглядел нелепо, так же как и Надино длинное бархатное платье.

Погосов вспомнил, как на прошлом юбилее в Доме ученых читали правительственную телеграмму, в которой министр поздравил Щипаньского за учебник по

п р и л е ж н о й математике – это вместо п р и к л а д н о й математике.

Никто не удивлялся, что на сей раз восьмидесятилетие нигде не отмечали. Никому не было дела до бывших корифеев. Говорили о насущном. Выяснилось, что чеченцы Альберту Казимировичу за жилье перестали платить, у них теперь статус беженцев, что сие означает, неизвестно, но ему нечем оплачивать квартиру.

– Черт с ними, на улицу не выгонят, – сказал Щипаньский, – а вот телефонная и почтовая связь безденежья не терпят. Особенно терзают иностранные корреспонденты, они привыкли, чтобы им отвечали.

Всех ужасали цены на лекарства.

– Постричься – двести рублей берут башибузуки! – гремел Щипаньский.

Но получалось у него не желчно, а с веселым превосходством олимпийца.

– Как вы думаете, это надолго? – спросила Надя, и все поняли, о чем она.

– Для меня навсегда, – сказал Щипаньский. – Одна надежда, что после смерти все кончится, ежели никакой загробной жизни нет. Лично я от нее откажусь. Не станут же там меня принуждать. Религия считает, что в том или ином виде мы должны существовать вечно. А если вечность меня не устраивает?

Зазвонил телефон. Из Калифорнии звонил ученик Щипаньского Родион Чугаев, сказал, что вечером соберутся в ресторане щипаньцы, устроят большой Альберт-ор.

Щипаньский передал трубку Погосову, слышимость была отличная. Родик спросил: – Как старик? – Отлично. – А ты? – И я. – Не собираешься к нам?

Нет. – Напрасно.

Когда-то они вместе ходили на семинар Щипаньского, ныне многие из той компании обосновались в штатах. Родик получил лабораторию и приличный грант.

Альберт-ор, ор всегда стоял несусветный, только голос Самого мог перекрыть всех.

– Видите, дядя, как вас чтут! – воскликнула племянница, слезы блеснули в ее глазах. – Если бы жив был Иоффе...

– Это время "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!".

- Пролетарии кончились, - сказал молодой человек.

- А куда они делись? - спросил кто-то.

- Шут их знает. И слава богу, что кончились. А вы, Сергей, почему не с Родиком и другими?

- Потому что я с вами.

- И зря. На меня больше не надейтесь.

- Это почему?

Щипаньский подмигнул с загадочностью,

- Я нынче по другому ведомству занят.

По дороге сюда Погосов рассказывал Наде про феноменальное чутье учителя. О его предсказаниях ходили легенды. Посмотрев кандидатскую работу Погосова, таблицы, кривые, Щипаньский поморщился: должно получиться что-то другое. - А что именно? - Не знаю, мне так кажется. - Так ведь эксперимент показывает... - Экспериментально можно подтвердить любую чушь! - Но все же откуда вы взяли, за счет чего? - А шут его знает! - Он весело разводил руками. - Впрочем, как вам будет угодно.

И оказывался прав. Каким-то образом предчувствие истины приходило к нему. С годами Погосов уяснил суть его дара - это было умение отделять существенное от несущественного.

Чай пили из хрустальных стаканов, ложки серебряные с монограммами, пили вприкуску - традиция этого дома.

Погосов вспомнил, как на каком-то семинаре при жалобах на высокое начальство Альберт Казимирович объявил: прошу усвоить раз и навсегда - оно на то и создано, чтобы мешать нам работать. Оно следует примеру Российского государства, которое всегда ожесточенно боролось с его лучшими умами.

Таких историй о Щипаньском ходило множество. Он обладал, как выразилась библиотечка, strange attractor - мощным полем притяжения. Его ученость никого не тяготила, а привлекала неожиданными блестящими мыслями, большей частью, еретичной. Еретики - вид редкий в России, почти истребленный, немудрено, что к Щипаньскому молодежь тянулась. К тому же он любил озадачивать своими вылазками то в живопись, то в музыку. Вот и сейчас, к чему это было, Погосов не уследил, услышал только громовой вопрос, обращенный ко всем: какая есть наилучшая картина Эрмитажа? Никто не осмелился ответить, и Щипаньский победно объявил: "Возвращение блудного сына" Рембрандта. Доказывать не буду, среди вас есть специалисты?..

- Моя жена - искусствовед, - сказал Погосов.

Щипаньский повернулся к Наде:

- Тогда извольте сказать, чем она замечательна?

- Да хотя бы пяткой, - храбро ответила Надя.

Щипаньский удивленно поднял брови.

- Молодец! А еще?

И, не дожидаясь ответа, сказал: на картине отец слепой. Ослеп. Выплакал свои глаза. Однако, согласно притче, он был зряч. Сказано: "Отец увидел сына". Рембрандт не посчитался с Евангелием, позволил себе священный текст изменить. К чему я про это, а к тому, что этот блудный сын - я! Это я вернулся. К своему началу, думать стал.

Признался, что последние годы думал больше по служебной надобности, употребляя

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru голову для компьютерных нужд. Все по делу. Текущие дела расчеты, отчеты... Куда текущие – об этом не задумывался. Отвлечения пресекал. Только так можно в современной науке. Зато достиг, чего скромничать. Скромность – логарифм гордости. Стремился, стремился – что это было, научное стяжательство? Когда покойная супруга спрашивала, отвечал коротко – он ученый. Полагал, что этим все сказано. Потом с ней случился инсульт. Речь отнялась. Но голова была в порядке. Глядит на него, видно, о чем-то размышляет. Понимал, что о нем, о его жизни. Неуютно приходилось под ее взглядом.

Рассказ давался Щипаньскому все труднее. Выйдя из-за стола, он принялся ходить, смотря вниз, в пол, как когда-то ходил на семинарах, сосредоточенно прислушивался к себе, словно к одному из выступающих.

Полгода жена его безмолвствовала, и вот однажды воскресным утром она вдруг спросила совершенно внятно: доволен ли он их жизнью? Она сама поразилась, услышав свой голос. Так давно он не слышал ее голоса, что тоже был потрясен. Не обрадовался, потому что голос был ее, но чем-то он был наполнен – не тоской, не страхом и не радостью, не раздумьем, – это было какое-то неведомое ему чувство, которое пронзило его душу и запомнилось навсегда.

Конечно, он сказал, что доволен, счастлив, они и вправду любили друг друга, он всегда был уверен, что она счастлива.

Тогда она сказала: поцелуй меня. Она сидела в кресле-каталке. Парез перекошил ее лицо. Щипаньский поцеловал ее в лоб. Она еле заметно покачала головой: нет, как раньше. Он стиснул ее голову, прильнул к губам. Крепко. Как тогда, в первый раз, на мосту. Она закрыла глаза. Тогда она тоже закрыла глаза. Через два часа она умерла, ничего больше не промолвив.

Что это было? Откуда она узнала, что умирает? Откуда-то появилась возможность произнести слова? Почему именно эти слова? Вместо слов прощания? Ничего не завещала. Он попробовал увидеть их жизнь ее глазами. Она преклонялась перед ним, гордилась его успехами. Но она не спрашивала об их жизни. Проходила ли их любовь через общую точку? А что, как они жили не совпадая? Вот она умирает, уходит, а в чем же был смысл ее существования? Помогать ему, но имел ли он сам этот смысл?

Когда они поженились, он мечтал изменить мир, добавить счастья людям, уменьшить зло. Наука, считал он, всесильна.

Жизнь кончается, а счастья не прибавилось, и добра не стало больше, и зла не меньше, чем было. Немного узнал про всякие излучения, про свойства газов и плазмы, появились лишь новые загадки. Вся его деятельность дьявольская карусель, нет ей конца, и все так же далека истина.

Беспокойство овладело им. Смысл его деятельности куда-то исчезал. Он отказался от своих должностей. С утра отправлялся в парк, предаваясь размышлениям. Забирался в дебри своей души, где никогда не бывал. Судьба наделила его талантом, и он ввязался в игру с противником, у которого невозможно выиграть. Жизнь, конечно, игра, правила мы примерно знаем, а вот в чем выигрыш – неизвестно. Он вспомнил стихи из школьных лет:

Я знать хочу, к чему я создан сам в природе.

И если мой вопрос замолкнет без ответа,

И если с горечью сознаю я умом,

Что никогда лучом желанного рассвета

Не озарить мне мглы, чернеющей кругом,

К чему мне ваша жизнь без цели и значенья?

В юности они звучали для него, как клятва. Жизнь прошла, а он ничего не узнал, то есть пытался, но не так, не туда пошел, пустился в бесконечную бесцельную погоню за новыми открытиями, физику он видел главной наукой, единственной, решающей.

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Все чаще он обращался к себе, подростку, к тому, кто так хотел понять свое назначение. Он возвращался побежденным, на нем изношенное рубище, стоптанные башмаки. А ведь кутил, пировал, наслаждался признанием. Смерть жены все поставила на место, и вот блудный сын вернулся к началу, к тому прежнему неотвратимому вопросу.

Страшный этот вопрос, табу, от которого бегут слабые души.

Года три назад вместе с Мартином Рустом и замечательным космологом Стивеном Хокингом разговорились на конференции в Кембридже и стали обсуждать состояние дел во Вселенной. Щипаньский спрашивал, куда она, родимая, стремится, имеет ли ее жизнь какой-то смысл, во имя чего она существует. Считается дурным тоном всерьез задаваться подобными вопросами, но они не могли удержаться.

После этого Щипаньский не раз задумывался – почему так странно наш мир чувствителен к малейшим изменениям. Стоит чуть уменьшить или увеличить массу какой-то частицы, скорость света, постоянную Планка, и все летит в тартарары. Вселенная, выходит, изготовлена в единственно возможном виде. Уникальное изделие. Все подогнано с величайшей точностью. Какой-то конструктор постарался, для чего он трудился? Не для того ли, чтобы появился человек, то есть сознание? Хочешь не хочешь – напрашивалась подобная мыслишка.

Тут довольно назидательно молодой человек с рыжей косичкой пояснил, что верующим людям это давно известно.

– А я вот только сейчас добрался, – согласился Щипаньский. – Однако своим ходом.

То, что человек и все живое изготовлено не по методу Дарвина, Щипаньский давно понял. Мир был, очевидно, изделием Творца. Библия для Щипаньского была прапамятью человечества. Человек был изгнан из рая, но вся живность безгрешная там осталась. Если они на Земле, значит, она и есть рай, вычтите из природы и получите рай, где все живое живет по естественному распорядку.

Однако все эти идеи Щипаньский бросал на полдороге, спешил к более важному. Следы Творца, считал он, присутствуют в самом человеке. Как марка изделия, как фирменный знак. Совесть. Сны. Душа. Это иррациональное, то, что не зависит от человека.

Щипаньский вдруг прервал себя:

– Знаете, как это было? Я задремал подле нее. Забылся. Вдруг кто-то окликнул меня. Боль в груди, и я почувствовал – все, душа отлетела. Ее душа. И эта боль отдалась. Это было не мгновение, душа ее уходила, выбиралась. Осталось тело. Осталась загадка. Зачем она жила, и я тоже? Какой был смысл появиться на свет, что-то свершить, постигнуть и кануть без следа? Зачем это все было? Зачем я был на этой земле, зачем была моя Таисия?

Взгляд его вперялся в каждого, требуя ответа, вызывая на спор. Кто объяснит ему? Какой смысл осознать бессмысленность своего существования? Мошка ест былинку, птичка – мошку, ястреб – птичку, каждый включен, кому-то нужен, а кому нужен он со своими званиями и книгами? Конечно, может, Творец заварил эту кашу, не зная, что получится, система, мол, сама дойдет до своего смысла. Может, людям не дан этот смысл, чтобы они не покушались на него.

Нижняя губа его выпятилась, руки сжались в кулаки.

– Несчастный Иов, больной, слабый старик не смог смириться! Восстал! А мы, мы рабы. Холопы Господа! Все принимаем. Иов взбунтовался, потому что верил, а мы смирились, потому что нет у нас веры. Мы приняли абсурдность мира. Но мир не абсурден! Мир сконструирован разумно, от ничтожной частицы до всей планеты.

О книге Иова у Погосова были смутные воспоминания, между тем Щипаньский считал эту книгу величайшей и самой главной книгой Библии. Трагедия бедного Иова открывалась перед ним не как несправедливость, а как трагедия непонимания. Он не понимал, за что так жестоко наказывает Господь – лишил детей, богатства, поразил проказой.

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Откуда ему было знать, что Господь и Сатана выясняли между собой, есть ли предел его вере и благочестию, сохранит ли Иов свою веру, не зная, за что его постигли такие несчастья. Об этом он не может знать, и беспричинность наказания выглядит для его разума абсурдно. Создатель, однако, не творит абсурда, мир, созданный им, не абсурден.

Пребывать в абсурдном мире для Иова невыносимо. Но между Иовом и Господом нет посредника. Господь находится в другом измерении, туда не попасть. Иное измерение – значит иное мышление.

Иов в конце концов добился общения с Господом, вера помогла ему, у Щипаньского такой веры не было, у него была лишь вера в осмысленность Вселенной, устроенной Генеральным ее Конструктором, Дизайнером, Вседержителем,

Творцом – называйте как угодно.

– Я не сомневаюсь, я уверен, знаю, что мы можем добраться и узнать! Мы не должны склоняться! Человек может больше, чем кажется.

Он рычал, воинственно выбрасывая руки вверх туда, к Всевышнему, готовый пробиться к нему. Примерно так Погосов представлял себе восстание библейского Иова – что-то дерзновенное было в нелепой женской кофте Щипаньского, золотистом галстуке, растрепанной седой шевелюре, в его безоглядном вызове.

Никогда Погосову не выпадало подобной свободы, чтобы мыслить, о чем хочется, не быть прислужником своего таланта, своей славы, тиранства службы, карьеры. Идеи Щипаньского были сомнительными, порой и вовсе бредовыми, и все же Погосов завидовал ему. Стараясь сохранить почтительность, он сказал, что вряд ли достойно выпрашивать себе смысл существования, человек действительно не знает своих возможностей, но он может сам их найти или создать.

– Адам и Ева завещали нам не подчиняться. Они ведь не извинились перед Господом. Ушли, единственное, что взяли, – фиговые листки, и принялись изготавливать человечество.

Альберт Казимирович не согласился.

– И стали познавать окружающее, вернее, продолжали, несмотря на наказание. Разница в том, что вы стараетесь познать мир, созданный им, а я хочу познать его самого.

– Ну, вы замахнулись.

– Да, вы хотите узнать, как поет птица, как работают ее голосовые связки, а я хочу понять, зачем она поет и о чем!

Щипаньский не был бы самим собой, если бы не искал подходов, каких-то способов научно подойти к проблемам души, совести, для него совесть была лестницей к Господу, вопросом, который Создатель задает человеку. Совесть находится в душе. Совесть – явление непонятное, не имеющее ни причин, ни определений, ее появление, ее назначение – тайна. Она не зависит от человека, возможно, она имеет божественное происхождение, то есть связывает человека с Богом, вот ниточка, по которой Щипаньский хотел добраться туда, к Создателю. Сократ был прав, когда требовал познать самого себя. К сожалению, наука пошла не по этому пути.

Запомнилась Погосову одна любопытная мысль Щипаньского о совести: то, что она никогда не ошибается. Категорично? Но Погосов не мог найти опровержения. Сколько случаев ни вспоминал – всегда и впрямь она была права. В ней словно бы какой-то компас имелся, указатель. Возникло тревожное чувство, действительно "угрызение" – иначе не назвать, откуда оно бралось, какова его природа, выходит, этот ориентир дан свыше. Выходит, наша собственная душа может кое-что поведать...

Еще сказал старик Щипаньский – "тот неведомый мир, что еле заметно шевелится под нами". У него это было связано с новыми сообщениями об открытии невидимой материи, ее больше, чем видимой, назначение ее непонятно, ее называют "темная материя".

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Прощаясь, Щипаньский сказал на ухо: "Сережа, не отказывайтесь от чуда! Надо осознать не свой ум, а свою глупость", - отстранился и подмигнул со значением, а каким - непонятно.

Погосов не был его лучшим учеником, но старик выделял его странным, определением: "содержательный парень".

Зачем-то Щипаньский покинул свой трон, мог бы восседать, пользоваться связями, славой, бросил все и отправился в одинокое странствие, в свою страну Скитанию.

Старик хотел смутить их дух, понимал, что дни его сочтены, и спешил, спешил выложить накопленное. Казалось, он что-то знал, неведомое им всем, знал настолько, что опускал подробности, убежденный, что они сами до всего доберутся. Но Погосов не желал отвлекаться от своего реального дела, он терпеть не мог философские проблемы, из них не извлечь ничего полезного. Бедный одинокий старик, не мудрено, что после смерти жены у него крыша поехала. Добраться до Дизайнера, до Творца, всерьез искать способы - это почти психическое расстройство. Там были стоящие мысли, но безумие тем и опасно, что может выглядеть смелостью ума.

Погосов злился на Щипаньского и тотчас жалел его. Закончить жизнь такую блестящую жизнь - безумием, как обидно. Хорошо, что сам он этого не понимает.

На обратном пути Надя сказала: в самом деле, почему бы нам не уехать? Вопрос Щипаньского засел ей в голову. Профессор несколько не осуждал своих учеников, тех, кто уехал.

Заселенная чеченцами квартира, потолок в пятнах, бедность - вот, что их ждало. Будущее вдруг обрело наглядность. Сосед за столом Нади разминал картошку вилкой, нечем было жевать, не может себе сделать протез, так он пояснил ей, между

прочим - тоже профессор.

- Неблагодарная страна! Ты видел, как они ели, как голодные.

С этого вечера мысль об отъезде стала прорастать в ней. Участь Щипаньского, его гостей не выходила у нее из головы.

- Думаешь, случайно начальники отправляют своих детей и жен за границу? Знать, что у нас надеяться не на что. Они не дураки, они хорошо информированы.

Подруги, телевидение, газеты подбрасывали ей новые примеры.

На экранах появлялись виллы в Испании, на Кипре, купленные мэрами российских городов, министрами, особняки генералов. Что ни день убивали в подъездах директоров, бизнесменов. Молодые ученые объясняли корреспондентам, как хорошо они устроились в Штатах. Министр труда и еще чего-то послал свою жену рожать в Америку, чтобы ребенок получил американское гражданство. Рядом с их садовым кооперативом вырос поселок роскошных коттеджей с фонтанами, кортами, высокими каменными заборами - там жили депутаты.

Откуда? На какие шиши? Воры! Оставаться в этой стране - значит либо стать вором, бандитом, либо нищим.

Уезжать, пока еще можно, пока на Погосова есть спрос, да и у нее возраст, слава богу, еще не вышел.

Погосов слышать не хотел об отъезде. "Что тебя здесь держит, допытывалась она. - Ты же сам говорил: нет ни русской, ни немецкой физики". Слова о патриотизме вызывали у нее ярость - любить? За что любить эту страну? Конкретно?

Она с ходу отвергала его рассуждения. Когда происходит кораблекрушение, надо садиться в лодку и уплывать, а не выяснять, отчего да почему.

Эта страна безбожная, погрязшая во лжи, крови, нищете, сгубила миллионы и погибнет за свои грехи.

Они разъяренно орали друг на друга. Не стесняясь, не боясь, она поносила всех,

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
вплоть до премьер-министра, называла его взяточником; до президента – тоже хапает, не гнушается. Лицо ее покрывалось красными пятнами. Губы становились тонкими, кривились, вся милота пропала, появлялась злобная немолодая особа, которая накопила обиды, считала его трусливым созданием, не способным на поступок, холодным эгоистом, никогда он ее не любил, никудышный отец...

– Народ, народ, – передразнивала она, – где был этот народ, когда истребляли миллионы лучших, что за народ, который так легко дурачить, который терпит пьяницу президента, жулика губернатора. Все, кто мог, уехали, отделились от этого народа. Россия – страна покинутых родителей и убежавших от нее республик.

Погосов пробовал отшучиваться:

– Россия – страна оптимистов, все пессимисты уехали. И слава богу!

Втайне он ощущал ее правоту – обывательскую, неколебимую правоту обманутых, обобранных.

Как она ни допытывалась, он и сам себе не мог объяснить, почему отказывается уезжать.

Страх за сына – это было серьезно. В школе у него раскрыли систему совращения ребят наркотиками. Мальчик еще не кололся, но в любую минуту это может случиться...

Каким образом она познакомилась с немцем Шлехтером, неизвестно. В один прекрасный день она заявила: либо – либо. Либо Погосов уезжает с ней, либо она уезжает с сыном и с Шлехтером. То есть – развод.

Вот так оно и произошло.

В глазах окружающих почему-то не Надя покидала Погосова, а он бросал ее одну с ребенком на чужбине. Она, несчастная, уезжала ради сына и т.п.

Перед отъездом Погосову позвонил Шлехтер, тот самый немец, попросил о встрече. Зачем, не объяснял. Встретились в пивном баре. Шлехтеру было под шестьдесят. Высоченный тяжеловес с добрейшей краснорожей физиономией, он располагал к себе, и Погосов успокоился. Говорили по-английски. Немец описал свою фабрику термометров. Вдовец, остался бездетным, радовался, что теперь у него будет наследник, он его приохотит к фирме. Ему хотелось узнать характер мальчика, заодно и про Надю. Погосов вида не подал. Приобретение жены и сына с инструкцией пользования... Впрочем, почему бы не помочь родным людям. Рассказывал без смешка, отчужденно.

С того времени все решилось. Надя оформляла бумаги энергично, брезгливо торговалась с бесчисленными начальниками, платила немецкими марками. Появились у нее жесткие скобочки у губ. Голубые глаза прибавили яркости. Уезжала малознакомая женщина. Поистине внутри человека может оказаться другой человек, а за тем – еще один. Русская матрешка – не простая игрушка.

На прощание Надя прошлась по их опустелому жилью, вспомнила, с какими трудами обменивала их комнаты в разных районах на квартиру с лоджией, в какие долги они влезли. Сказала: только не сдавай чеченцам.

Сын распрощался с ним легко, мальчик был захвачен предстоящим путешествием, да к тому же на корабле.

Через несколько дней позвонил Щипаньский, спросил, собирается ли Погосов уезжать. Выслушав, долго молчал, потом предложил поработать у него на даче. Там никого, и к зиме кругом никого не остается, можно пожить одному.

– И что? – спросил Погосов.

– А ничего. Фортунный покой, как говаривали в старину. Нужен вам и вашей фортуны.

Почему – не стал объяснять.

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Приступив к бессемейной жизни, Погосов сократил свои левые загибаны, стал разборчивей. Надя считала его бабником. Понятие сие весьма расплывчатое, ибо она не понимала, что Погосов воспринимал женщин как неведомое племя, все они казались ему разными, загадочными, достойными изучения.

Холостяцкое состояние, как уже отмечалось, привлекло к нему женщин. Одни имели откровенно захватнические виды, других задевало его пренебрежительное отношение к любовным шашням, то, что он ставил свою работу выше их прелестей и обещанного наслаждения. Хотелось его перетянуть, одолеть, совратить. Иногда он поддавался.

Но море любви, которое они обещали, было мелким, наподобие финского залива. Бредешь, бредешь и никак не погрузиться. Поплыть можно и в любом месте встать, нет глубины, бездны. Все повторялось. Приходило обычное мужское разочарование – стоит ли гоняться за следующим изданием. Дольше других держались у него бесхитростные любительницы секса. По крайней мере они знали свое дело, не имели претензий. Их эротическая откровенность устраивала обе стороны.

Была чистенькая, острая на язык аптекарша Ганна. После постельных баталий, когда они лежали истомленные, Ганна любила допытываться: мог бы он заниматься с ней любовью в Эрмитаже? А в Зоологическом саду? Перед какими зверями? Она предпочитала обезьян.

Заниматься любовью... При чем тут любовь? Говорила бы прямо трахаться, – грубо, но честно.

– Может, это все, что осталось от любви, – размышляла она. – Я лично никогда не любила. Чтоб без памяти. Чтобы плакать... Все-таки мы с тобой не просто трахаемся?

– Конечно, – подтверждал он.

Была Катя, учительница, владелица прекрасного бюста, который она носила как драгоценность. Старшеклассники, – жаловалась она, – с ума сходят от ее пышных грудей. К сожалению, у нее слишком скоро появилась уверенность, что Погосов скрывает свою любовь, и она твердила, как заклинание: я знаю, ты боишься признаться, тебе ни с кем не будет так хорошо, как со мною. Однажды она покаялась, что подсыпала ему какого-то зелья, чтобы приворожить.

День, проведенный в лаборатории, пусть с неудачами, огорчениями, все же не приносил чувства опустошенности, той досады, когда партнерши требовали от него благодарности за проведенное время, а то и восхищения.

Что он умел, так это заканчивать свои романы без мучительных объяснений. Что-то сохранялось, он расставался вроде с облегчением, но было и сочувствие, еле слышное, как вздох.

Он учил Тырсу, как надо отношения изживать. Так, чтобы они обламывались сами собой, подобно засохшей ветке, для этого надо не прятать свою скуку, дать ей волю. Уныло молчи, пожимай плечами.

Увидеть со стороны бездарное истребление своих жизненных сил – с какого-то момента это удается. Еще недавно его веселило, как Катерина обмеривала свой бюст, задницу, меняла диету, и вдруг эти игры стали глупостью, неужели так подступает старость, – спрашивал он себя. Физически это не чувствовалось, тут было что-то другое. Обычно он не вмешивался в жизнь своей плоти, отростка, своего греховодника, фаллоса, органа... У того появлялись свои причуды, происходил самостоятельный выбор, влечение, которого Погосов не разделял. Этот затаенник вдруг начинал командовать, отрывал Погосова от работы, заставлял ехать к очередной подружке, врать, как-то оправдывать свои гнусные желания. В такие моменты Погосов чувствовал себя денщиком при нем, словно с командной вышки к Погосову доносились приказы. Утихомирить его Погосов не мог. В компании, на какой-нибудь вечеринке, этот аппарат как бы получал от одной из самок неслышимый сигнал и устремлялся туда, увлекая за собой Погосова. С некоторой иронией, отстраненно Погосов наблюдал за его жизнью, утешая себя: такова натура исследователя.

Наблюдения привели его к мысли о том, что чувство любви – уходящее чувство. Не только для него, для всех кругом... По крайней мере его знакомых гораздо больше

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru занимали карьера, заработки, затем следовали спорт, путешествия, работа, ну и секс. Любовь, очевидно, была свойственна тем временам, когда женщину занимало прежде всего ее женское назначение. Любовь изобрели женщины. Они украсили ту жизнь, которую им оставили мужчины охотники, воины, путешественники, философы.

На эту тему он как-то разговорился с Полиной, буфетчицей в институте. Малорослая, некрасивая, ни фигуры, ни волос, какие-то пегие клочья висят, глазки заспанные. Почему-то среди научных работников она пользовалась успехом. Как-то под вечер никого в буфете не было, она разогрела ему гречневую кашу.

- Ты бы, Полюха, волосы покрасила, а то они, как мочалка, прическу себе соорудила, макияж, - советовал он.

Она решительно помотала головой.

- Нет выгоды.

- То есть?

Она чуть усмехнулась.

- Я понимаю, у вас возник вопрос, я вам скажу, что мужчины у нас больны.

- Это чем?

- Неуверенностью. Особенно институтские. Не реактивны. Ко мне другое дело, думают - халда, верняк, здесь отказу не будет. Кто еще на нее польстится. Вот какой угол зрения. По-вашему, почему принц Золушку пригласил? Не иначе как у него до этого не получалось. А тут хоть замараха, зато верный выигрыш, навести марафет, и получится принцесса. А он будет автором.

Глазки ее разгорелись, смышлено заблестали. Оказалась стратегической девахой. Разработала эффект Золушки, и вскоре один из ухажеров попал, как она выразилась, в полный залип. К свадьбе покрасилась, приделась, похорошела - не узнать.

Слушая Полину, Погосов убеждался, что, пока в лаборатории изучали поведение плазмы, в буфете изучали поведение мужиков, секреты косметики, подбирали себе прически, пробовали и так и этак, чтобы золотистый локон один спадал, затеняя глаз; у другой пробовали кудряшки для оживления лица. Они занимались настоящей исследовательской работой, из ста тридцати оттенков губной помады надо выбрать тот, что лучше подойдет к лицу. Надо создать из себя произведение, и они создавали, иногда достойные кисти Крамского, даже Леонардо.

...То было состояние полудремы, на границе сознания и сна. Мысли у Погосова продолжали появляться, причем довольно дельные мысли, которые хотелось запомнить. К сожалению, ценным мыслям мешали видения; удлиненные глаза Леры светились и проплывали отдельно от ее лица. Они были хороши сами по себе. По ним можно было восстановить и все остальное. Красота свидетельствовала о том, что эта особа соответствовала вкусу Сергея Погосова. Красота - понятие субъективное. Однако Погосов тут же запнулся, ибо красота, допустим, уравнения - свидетельство правильности уравнения, то есть понятие объективное. Сравнение Леры с уравнением нисколько не смущало Погосова. А вот себя он вдруг увидел ее глазами как нечто допотопное. Это было совершенно непривычное ощущение - старость, он, Погосов, для нее давность, прошедшее время, то есть старик. Совсем недавно он успокаивал Тырсу по поводу директора института: бесполезно принуждать старого ученого отказываться от прежних взглядов. И он готов выслушивать только те теории, которые подтверждают его идеи.

Теперь Погосов выглядел для нее таким же вздорным, устарелым. У него появился внутренний дисплей, свое изображение.

Сам себя Погосов не мог представить дряхлым или немощным, например, как он задыхается, поднимаясь по лестнице. Вряд ли Лера или Грег видят в нем физическую старость. По возрасту Погосов был моложе Грега, только сейчас он сообразил это, отсюда следовало, что и Лера...

Но Погосов не успел додумать, потому что кто-то тормозил его, звал. К нему взывал тот Погосов, они в книгохранилище о чем-то спорили с Грегом. Видимо,

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
что-то произошло за время отсутствия Сергея Погосова.

Какое это было время, неизвестно. Время во сне, даже в полусне останавливается, человек выпадает из времени. События не длятся, они не созревают, не идут, их нечем измерять, они появляются как иллюстрации мыслей или чувств.

Тот Погосов в книгохранилище не желал смотреть книгу, Грег настаивал, просил, уговаривал. Вместо того чтобы вникнуть, Сергей присматривался к обоим. Несомненно, Погосов был куда моложе Грега. Без всякого брюшка, крепкий, загорелый, физически, пожалуй, сильнее, хотя Грег и выше, и массивнее. Но рыхловат.

Книга, оказывается, была английским справочником по физике, типа "Who is who". Поначалу Погосов принялся листать ее, тут были создатели физики плазмы двадцатого – двадцать первого веков. Остановил его портрет Густава Уотса, его неповторимый профиль, курносый, с обезьяньей челюстью. Месяца два назад гуляли они в Летнем саду, и Густав предлагал пари: через год-два он получит "Нобелевку". Самоуверенно похлопывал Сергея по плечу, обещал впоследствии, когда станет лауреатом, выдвинуть и Сергея. В книге же вместо щекастого здоровяка Погосов увидел хмурого лысого старца: "...близко подошел к пониманию процессов ионизации... не мог получить из-за малой чувствительности... предложенная модель не оправдала..."

Обвал его лица ужаснул Погосова. Под портретом стояли две даты, разделенные дефисом. Погосов испуганно отвел глаза. Пропустил веером страницы, мелькнул портрет Щипаньского, большой, на полстраницы. Погосов хотел вернуться назад, но не решился. Бедный Густав, ничего не вышло из его надежд. Тянуло посмотреть про Щипаньского, как они его итожат, но вдруг он сообразил, что где-то здесь есть и его, погосовская страничка. Может, тоже целая страница. А может, всего несколько строк. Было, мол, кое-что, да не оправдалось. Или что-то еще произошло, прерванное на самом интересном месте. Бедный Густав... Хочешь насмешить Господа – расскажи ему о своих планах.

Они смотрели, как под его пальцами порхают, крутятся страницы, как он не может остановиться. Грег обратился к Лере:

- Не смеет, я так и думал, а ты говорила...

Обидно сказал, впрочем, что бы он ни сказал, вряд ли Погосов решился бы. Он не хотел знать своего будущего.

Теперь они убеждали его вдвоем, посмеивались над его суеверными страхами. Чем больше он противился, тем настойчивей они становилась. Они не скрывали, что именно эти экстремальные реакции для них наиболее важные. Их доводы выглядели вполне разумно. Раз его будущее опубликовано, значит, оно состоялось, оно уже не будущее, есть ли смысл прятаться от него, о нем все известно...

Они просили унять того Погосова. Он единственный мог его заставить прочесть про себя. Наверняка и Грег, и Лера уже прочли ту страницу, им про него все известно, все, что с ним произошло, вернее, произойдет. Они уже по ту сторону.

- Вам надо мое согласие?

- Видите ли, Сергей, нам нужны стрессовые ситуации, - начала пояснять Лера и взяла его за руку.

"Да ради Бога, - собирался сказать он, - давайте я посмотрю, это любопытно". У него готова была интонация - небрежно, запросто. Взять справочник и открыть на букве "п". Но что-то мешало ему. Он не сразу понял что. Понял только, когда тот Погосов, в книгохранилище, не желая подчиниться, с силой отшвырнул книгу от себя так, что она, скользя, понеслась по полу. Можно подумать, что книга эта внушала ему страх. Страх этот передался Сергею Погосову, и он остановился.

- Пожалуй, не стоит, - сказал он. - Зачем мне? Хватит того, что я узнал. Вы что, хотите лишиться меня будущего начисто, до самого конца. С какой стати?

Грег с любопытством вглядывался в него.

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Вам разве не интересно?

- Интересно, - сказал Сергей. - Поэтому и не хочу. Если знать, то и жить не интересно.

- Вам кажется, что без неизвестности жизнь станет пресной. А что вам дала неизвестность? Вас ведь давно отучили от чудес, еще в двадцатом веке. Признайтесь, вы чуть не уклонились от перехода к нам. - Грег говорил задумчиво, с расстановкой, твердо и жестко. - Бойтесь?.. Чего?.. Думаете, неизвестность - это поэзия вашего существования? Да не прячьтесь вы от себя, вся ваша жизнь расписана. Так же, как и наша. Все запрограммировано: научная тематика, отдых, расходы... Много ли остается на случайности, оглянитесь назад, их почти не было в вашей жизни. Все шло, как у всех. Вы были примерным конформистом. Иное и не было возможно.

- Ну почему же, а мое открытие?

- Его судьба вам уже известна. Типичная ситуация в такой энергичной науке, как ваша. Новое быстро стареет, сменяется следующим.

- Может, что-нибудь еще мне предстоит.

- Этого никто не отменит, чудо в другом, вы можете посетить страну, в которой никто не бывал, - Будущее, не только ваше будущее. Будущее ваших коллег. Вы будете все знать наперед.

Погосов прищурился, он покачивался на носках, сунув руки в карманы.

- И зачем мне это?

- Сведения о ваших конкурентах, вы же будете знать, что у кого получится, что не выйдет. Станете прорицателем. Вам будут внимать со страхом и восторгом. Вы же честолюбивы. Вы хотели славы, хотели?.. Берите, что же вы испугались, вот она, тут, под рукой. Ведь потом жалеть будете, ох, как пожалеете, проклинать себя будете.

Он все сильнее размахивал руками, хватался за голову, переживая безрассудство Погосова.

- Какая власть, какое могущество!

Погосов почесал затылок, посмотрел на Леру.

- Что вы думаете?

- Цинично, но правильно, - сказала она. - Следует предупредить вас и о трудностях. Как поведет себя душа, лишенная надежд и неведомого, мы не знаем. Исчезнет ли азарт исследователя? Могут возникнуть и другие эффекты. Например, желание уйти в глубь явления. В конце концов, любое событие имеет разные степени значимости.

Она выкладывала свои соображения отстраненно, бесстрастно, словно утратив интерес к происходящему.

Помедлив, Погосов хмуро спросил:

- И что в результате?

- У вас появится возможность осмыслить свою жизнь как нечто законченное.

- И это все?

- Речь идет о научной жизни, только о ней, - со значением произнесла Лера.

- Какая у вас цель?

Она посмотрела на Грега, как бы уступая ему.

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Грубо говоря, извлечь ваше внутреннее "я". То, что каждый скрывает от себя. Мы все избегаем знать, какие мы на самом деле, какие демоны живут в нас.

Кто бы мог подумать, что его "я" превратится в экспериментальный материал, что его будут превращать в графики, таблицы. Они пробираются, залезают в не известное ему самому. Что они могут оттуда извлечь, никто не знает, мало ли что там на самом деле таится.

- Значит, я для вас подопытное животное. Вам надо меня вскрыть.

Он обиделся. Она использовала его, для нее он материал, извлеченный из вивария, но ведь между ними что-то происходило. Или все это было разыграно?

- Подождите минутку, - она остановила его. - По-моему, вам было интересно наблюдать за вашим внутренним миром. Согласны? Вы ведь кое-что узнали. Кстати, ваше "я" поддавалось, потому что вы с а м и, - она подчеркнула это слово.

с а м и пытались проникнуть туда. Ваше призвание естествоиспытателя помогало нам. Нам повезло с вами. Я не ошиблась. Теперь вы освободитесь от страха смерти. Это немало. Это заметно изменит всю вашу жизнь. Будущее осветится знанием. Вы будете его знать, как знаете свое прошлое. Смерть ваша окажется позади, то есть вы ее уже переживаете.

- Да, да, обычный порядок будет перевернут, - вмешался Грег. - Будущее перестанет тяготить вас ожиданием неприятностей. Конечно, отчасти; во всяком случае, не надо будет вглядываться, гадать, когда что случится, вы сможете сосредоточиться на настоящем, жить вглубь.

Погосов медленно покачал головой.

- На кой мне это? Вот сейчас я свободен, могу согласиться, могу отказаться. Могу делать, что хочу. Свобода ведь это ощущение. Могу написать статью, могу вообще завербоваться в Австралию. А вы хотите мне всучить то, что сделано другим Погосовым, чтобы я стал дублером, повторял его жизнь, его, а не свою. Нет, это неинтересно.

Ему вдруг вспомнилось, как совсем недавно Тырса отказывался поступать в докторантуру: "Моего таланта еле на кандидата хватает, я гожусь для незаметной жизни, научный прогресс меня не волнует".

На черном мраморном полу они стояли, как на воде, как будто они опять шли по заливу.

- Ой, не знаю, не знаю, - сказал Грег, - настоящие ученые жертвовали многим, на себе ставили опыты. Был Пастер, слышали? Были Кох, Мечников.

- Вот и ставьте на себе.

- Не тот материал, не те данные. И, как вы понимаете, мы не можем оперировать тем, чего еще не имеем.

- Это вы про свое будущее? Естественно, раз свое, то никому. А надо мною можно. Я для вас мышь подопытная. Еще бы, вы небожитель, высшее существо.

Со стороны так оно и выглядело, потому что Грег возвышался над ним. Разница в росте небольшая, но Грег нависал, как каменный идол. Уязвить его не было возможности, любые выпады Погосова он принимал с холодным интересом: поведение испытуемого объекта, не более. Сам Погосов не существовал, Грег слушал его и разглядывал, словно в лупу. Никогда еще Погосов не чувствовал себя таким ничтожным.

- Вы обижены на нас за судьбу своей работы, - определил Грег. Поймите, это неразумно. Рано или поздно любая теория стареет, сменяется новой. Не стареет только лженаука. Так что нет причин уклоняться от прогностики.

Он приравнивался к уровню Погосова. Уровень средневековый, полный суеверного страха заглянуть в свое будущее, чувство, недостойное ученого.

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Да не боюсь я, чего мне бояться!

Погосов задрал подбородок, приподнялся на цыпочки, он видел самого себя без всякого монитора, как он пыжится, чтобы сравняться с Грегом, как краснеют его оттопыренные уши, видел свое искривленное от злости лицо.

Позвольте, с какой стати ему бояться. Сунув руки в карманы, он прошелся. Если на то пошло, он, Сергей Погосов, неуязвим, неуязвимей, чем эта глыба, никто из них ничего не может с ним поделаться, у него уже все свершилось. Даже сам Господь не властен над прошлым.

- Жаль, что вы, господин Грег, ничего не поняли. Судьба моей работы тут ни при чем, судьба банальная, так же, как и моя кончина – вещь обязательная. Дата? Она ничего не меняет. Годом раньше, годом позже, не все ли равно. Суть в другом – нельзя лишать нашу жизнь неизвестности, без тайны игра становится неинтересной.

Неожиданно Грег согласился. Именно в этом и состоит эксперимент: что станет с человеком, если лишить его неизвестности, но если Погосов не хочет, то и не надо, заставляя его никто не собирается. Одно только пусть учтет в справочнике, который он отбросил, упомянуты лишь факты, там ничего нет о других мирах Погосова, это деловой справочник...

- Каких еще мирах?

- У каждого из нас много разных миров. Например, мир снов. – Взгляд Грега заострился так, что Погосов опустил глаза. – Мир ваших женщин. Мир ваших пороков.

- Что вы о них знаете?

- Кое-что. Теперь и вы их увидели.

- Считается, что от этого я стану лучше?

- А от чего вы станете лучше?

- Вообще-то... от любви. – Ответ пришел неожиданно, и Погосов улыбнулся самому себе. – Впрочем, по моим возможностям я и так не плох.

Грег кивнул на экран.

- Нет, вы недовольны собой. Вам не нравились и ваша неадекватная реакция, и ваши сокровенные чувства.

Слова его несколько озадачили Погосова.

- Хотите, чтобы я себя невлюбил? Вы расщепили меня надвое и думаете, что это для меня благо. Но, может, мне нравится тот, другой, тот сукин сын, что сидит во мне, откуда вам знать, каким я должен быть. Вы берете на себя роль Господа Бога. Не многовато ли? Опыты проводите над живыми людьми! Это ненормально, это вообще запрещено.

- Живыми? – переспросил Грег и уличающе рассмеялся, на каменном лице ничего не изменилось, смеялся он только голосом – сухое "ха-ха-ха!". Вдруг взгляд его стал пронзительно неприятным. – Господь Бог! Да что вы знаете о нем! Ваши представления о нем устарели, поэтому вы не можете судить о нашей работе.

Проект этот, по его словам, подвергался подобным нападкам, его чуть не загубили. Немало потрачено средств. Уже получены первые результаты. Человек открывается как архив Бога, как конспект Вселенной, ее история, неведомая науке. Великие физики прошлого века догадывались, чувствовали существование внелогической информации. Эйнштейн повторял, что не все может быть рационально обосновано, что разум в сокровенных своих глубинах недоступен человеку.

Голос Грега поднимался, угрожающе гремел:

- Недоступен! Осознайте!

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Далее следовали не известные Погосову имена, которые утверждали, что мир состоит не только из материи; во Вселенной находится нечто вне материи и ее законов, оно отепляет мир. И в тот же ряд он добавил Щипаньского с его стремлением обнаружить смысл человеческого существования в самом человеке, доказывал существование души, совести, предчувствий, всего того, что находится за горизонтом науки. Технология исказила человека, его надо лечить, спасать, даже насильно...

Было ощущение, что его речь направлена не к Погосову, скорее, к другому нелегкому оппоненту, вполне возможно, к Лере. Подперев рукой подбородок, несогласно хмурясь и в каком-то месте решительно остановив Грега, она перевела рассказ на их опыты с другими виртуальными дублерами. Для них создают кризисные ситуации, так чтобы "белковый оригинал" все видел и переживал: допустим, устраивают ему автомобильную аварию или обстановку измены, успеха, выигрыша. Эффект подлинности охватывал человека при виртуальных пожарах, когда вокруг рушатся здания, а то еще при воздушной катастрофе. Что происходит с субъектом в "электронном" исполнении, в чем разница между тем, как ведет себя человек и его внутреннее существо, то есть душа...

- Своя душа тоже потемки. Проект, связанный с вами, куда тоньше и мягче. Полученные данные нужны и для решения проблемы дарования. Человек, как правило, не в состоянии определить свой дар. К чему он способен, кто в нем скрывается - менеджер, повар, священник, учитель, - во взгляде Леры что-то блеснуло, - или любовник... Вы только вообразите, что будет, если каждый человек сумеет определить свой талант, каждый будет знать, что в нем скрыто!

Погосов невольно залюбовался ею, не хотелось спорить с ней, с ее уверенно-стью, что людям так нужно знать свою предназначенность, совсеми их покушениями на будущность.

Лицо его расплавилось от тихой улыбки, он никак не мог справиться с ней, до чего же хороша была Лера в эти минуты.

- ...поэтому стоит ли так держаться за неизвестность? Вы уверены, что непредсказуемость жизни есть ее поэзия? Признайтесь: поэзии в этой жизни осталось совсем немного. Существование ваше расписано от начала и до конца, случайностей все меньше. Вы сами их избегаете. Вспомните, как вы уклонялись там, на пляже, отправиться к нам. Отсюда следует, что вы избегаете мистики, магии, а уж чуда тем более.

Чудо - он не употреблял этого слова, могло ли быть так, что вот оно, то самое чудо пожаловало, а он не признал, спорил, все хотел уличить и Грега, да и Леру?

Почему они выбрали именно его? С какой стати? Ах, да, ученик Щипаньского, ну и что с того, у Щипаньского есть и другие ученики.

Подозрительность не давала ему покоя. Формально они ссылались на последние работы мэтра, о которых Погосов должен был знать.

Сооружение Вселенной, Дизайнер, совесть, смысл жизни - вся эта метафизика никогда не интересовала Погосова.

Грег вздохнул над погосовской самоуверенностью.

- Вы столько могли узнать, как же вы не оценили последних работ вашего учителя?

- Любая жизнь - это цепь упущений, - примиряюще сказала Лера. - Может, вы знаете, почему он свернул от физики?

Погосов подумал.

- Может, его вывихнула смерть жены.

- Между тем, пользуясь его подходами, мы установили некоторые параметры души. Звучит для вас невероятно? - Грег смотрел испытующе, словно проверял Погосова.

- Умерла жена, - задумчиво сказала Лера.

Грег поднял палец, как антенну.

- Душа есть некая точка, место пересечения двух состояний. Точка как бесконечно малое или точка, из которой появилась Вселенная, а? Обнаружено в нашей Вселенной нечто вне материи, вне ее Законов, то, что, по Щипаньскому, одушевляет мир и позволяет искать смысл в его и нашем существовании. Смысл этот имеет историю, как и совесть, она тоже исторический продукт, так же как сны или любовь. Перед человеком открываются новые подходы к пониманию смысла его появления...

Лера пожала плечами.

- Зачем все же понадобилась совесть, она продукт эволюции или же изначально задана человеку? А на клеточном уровне? Что, у клетки уже есть душа?

Они перешли на профессиональный язык, малопонятный Погосову. Единственно, что он ощущал за всем этим, - толщу времени, что отделяла его от этих двоих.

Он вздохнул.

- Послушайте, коллеги, нет ли у вас чего-нибудь выпить?

- Хотите кофе? - спросила Лера.

Погосов хмыкнул.

- Да мне не пить, мне выпить. Вы-пить! Водки, коньяка... - Он щелкнул себя по горлу.

Ничего такого у них не оказалось, ничего спиртного, представляете, что это за лаборатория. Параметры души выясняют, а то, что у Погосова душа горит, это им параллельно. Душеведы!

- Хотите добраться до смысла жизни исключительно в трезвом виде? Пустое дело, без полбанки вам, ребята, не продвинуться.

Было приятно высмеять их высокоумные речи. Он и раньше с подозрением воспринимал отвлеченные разговоры такого рода. Все это походило на безответственный треп. Спрашивается, что в результате люди получили от разных философских школ, учений? Тысячи лет выступают, объясняют, а где результат - софисты, схоласты, платоники, перипатетики, синергетики, экзистенциалисты, нет им конца.

- Ну хорошо, допустим, открыли вы смысл жизни. И что вы будете с ним делать? Думаете, от вашего подарка все возликует? А на фиг он нужен, как жили, так и будут; и пить будем, и гулять будем, и блудить, и хапать, и подсигивать, и воевать. Знаете такую нашу песню: "Я люблю тебя, жизнь, но не знаю, что это такое". Так вот - мы от незнания не откажемся. Ни за что! Незнание, оно оправдывает и слабых, и неудачников. Незнание - это романтика, это защита, последняя надежда находится там, в незнании.

Для них это наверняка было типичным старомодным высокомерием физиков, их пренебрежением к иным областям познания. Времена Погосова не имели божественной цели, мир не знал, куда двигаться, как справиться с океаном информации, где затерялось его независимое "я".

Что касается экземпляра в лице Сергея Погосова, то, судя по полученным данным, втайне он мечтает во что бы то ни стало выделиться, преуспеть, ему не терпится ухватить свою звезду. Ничего в этом плохого нет, утешали они в оба голоса, и, естественно, они хотели предложить ему выгодную сделку. Он получит сведения не только о себе, но и о коллегах, кому из них что предстоит, кого изберут, кто, когда уйдет из жизни. Такие сведения неоценимы, вообразите, кто владеет такой информацией, имеет большую власть!

Предсказатели, оракулы! Можно никого и ничего не бояться, жизненные страхи станут минимальны. Чего бояться?.. Он, Погосов будет первым, кому дано согласовать Провидение со свободой своей воли.

- Может быть, может быть, - рассеянно отзывался Погосов.

Слова Грега о власти погрузили его в раздумье. В конце концов, почему бы не

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
повернуть свою жизнь и не попробовать. Не понравится, можно вернуться...

- Вы должны отчетливо представлять, на что вы идете, - сказала Лера.

- Что вы имеете в виду?

- Такие знания дают власть, но и погружают в печаль, помните, в Библии сказано: кто умножает знания, умножает скорбь?

- За все надо платить, - жестко сказал Грег. Он явно был недоволен ее вмешательством. - Дата действительно ничего не значит. По моим показателям мне осталось жить три года, не более. - Грег наклонял голову вправо, влево, он смотрел на Погосова, как в зеркало. - И что? Видите, ни тоски, ни паники. Наоборот, живу интенсивнее, и каждый мой час засверкал. Я избавился от всех сомнений. Никогда бы не достиг таких успехов, если бы не знал своего срока. Приговор помог мне осознать свой талант и свою свободу. Знать свой срок это не беда, а благо!

Погосов не утерпел.

- Какая тут свобода! Вы меня сажают в камеру смертников, чтобы я ждал казни.

- Не сажаем, вы поступаете добровольно, - подчеркнул Грег с опасной уверенностью.

- Ну, конечно, я сам прочту свою дату. А для чего, это ведь как самоубийство.

- Эка куда вы выскочили!

- Вы не чувствуете, потому что вы фанат, вы вообразили себя ассистентом Всевышнего! Даже больше...

Грег прервал его:

- Мы напрасно теряем время, - он повернулся к Лере. - Мы должны предоставить ему выбор, но, я думаю, у него нет выбора.

- Что это значит? - спросил Погосов.

- Иначе мы должны будем стереть вам память о том, что здесь случилось, - спокойно пояснила Лера.

- Но я же предупредил, что не согласен.

Так же ровно, бесстрастно она сообщила, что речь идет лишь об удалении из памяти данного эксперимента, начиная со встречи на берегу, вплоть до его возвращения, ничего другого.

- Останется у вас ощущение сна, нечто странное, содержания его вы не сможете вспомнить.

Он тупо смотрел на нее.

Да, все исчезнет начисто, ничего вспомнить он не сможет, никаких подробностей, ничего из того, что читал, что узнал. И она исчезнет? Она подтвердила и это. Она тоже будет уничтожена. Ни ее лица, ни облика, ни голоса, ни слов? Да, ни лица, ни голоса, ни слов.

С самого начала он полагал, что все это происшествие - сон. Нет ведь никаких возможностей, когда тебе что-то снится, отличить сон от яви. Спящий не в состоянии исследовать свое сновидение.

Что-то надо было решать. Голова его раскалывалась. Что-то он должен сделать, что-то срочное, какая-то мысль мелькнула и скрылась бесследно. Может, ему уже стерли память? Нет, они вроде ничего не предпринимали. Грег по-прежнему бесстрастно наблюдал. Что бы Погосов ни говорил, что бы ни делал, все превращалось у Грега, а может, и у Леры в сведения. Все пополняло анамнез, ничего просто так.

...Надо просто записать, он их перехитрит, записать прочитанное, он принялся шарить по карманам: ни ручки, ни клочка бумаги, их и быть не могло ни в лыжных брюках, ни в ватнике. Вдруг он до конца ощутил, что ему грозит. Это было невероятно: они наверняка могли сотворить такое, вытравить начисто, уничтожить целый кусок его жизни, все то, что еще появилось в его душе радости, страхи, и восторги, и огорчения. Во что бы то ни стало он должен был записать, как-то сохранить, хотя бы нацарапать на чем-то.

Они следили за его движениями. Безвыходность озадачила Погосова. Он сидел за столом, закрыв глаза, стиснув голову руками, и пытался сообразить, чем обозначить то, что было, оставить себе подсказку и потом расшифровать.

Это было последнее... дальше последовал пробел. Полное ничто, сколько оно длилось, он понятия не имел.

Острый морозный воздух проникал глубоко, имел вкус морской свежести, от его запаха кружилась голова, его можно было пить, есть.

Песок хрустел под ногами, подошвы ощущали каждую песчинку. Блеск залива резал глаза.

Они вышли на тот же берег, те же чайки вскрикивали над ними. Но мир, в который они вернулись, сказочно обновился. Это утро протерли, никогда так не блестели сосновые иглы, не обозначались так нити паутин. Чайки ходили по серебристым перепонкам луж, у каждой была своя физиономия. Ветер приносил запахи водорослей, смолы, залива. Волна накатывала, ломала ледяную бахрому, отступала и вновь бросалась к уже недоступному берегу.

Этот мир отличался подлинностью, плотностью, в нем все предметы сообщали о себе.

- Холодно? - спросил Погосов.

- Холодно, - отозвалась Лера.

Погосов потер лицо, попрыгал, проверяя себя, и землю, и это утро.

- Это действительно было?

- Вы все помните? - спросила Лера.

- Как мы выбрались?

Вдруг возникла картинка - обратный путь по заливу мимо рыбака, который на этот раз замахнулся на них удилицем.

- А где Грег?

- Там.

- Вы отговорили его?

Она засмеялась.

- Я ему помешала.

- Вы что, его перекрестили?

- Он что, по-вашему, черт?

- Он, скорее, дьявол.

Она ответила улыбкой.

Погосов глубоко вздохнул.

- Нам надо выпить, без этого не разобраться. Пошли. У меня есть и водка, и

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
настойка.

Лера помотала головой, отвергая и водку, и настойку, все блага, кроме солнечного этого утра, мерзлого пляжа, по которому они размашисто шагали в ногу.

Несколько раз Погосов пытался узнать, каким же образом им удалось выбраться, обойдя угрозу Грега "стереть память". Почему-то ему представилось устройство вроде детектора в аэропорту для обнаружения металла.

Добиться от Леры, что у нее произошло с Грегом, он не мог. Он помнил, как она соглашалась с Грегом, но, очевидно, когда Погосов вырубился, что-то переменилось. Вырубился или вырубил? Неизвестно, сколько он был в отключке. Это не важно, его занимало другое – чего ради Лера так поступила.

– Я хотела оставить вам...

– Что?

– Ну... уверенность.

Она чего-то недоговаривала.

Погосов оглянулся. Берег оставался пустынным. Только вдали на заливе можно было различить несколько черных точек рыбацких лодок.

– Мне все кажется, что за нами следят.

– Кто?

– Все же странно, как вам удалось?

Погосов стянул с головы вязаную шапку, причесал волосы пятерней.

– Мало того, что вы не верите мне, так вы еще не верите и себе, сказала

Лера. – Вы обижаете нас обоих.

Они подошли к перевернутой лодке, Лера остановилась, дальше она не пойдет, ей надо вернуться.

– Я вас не отпущу.

– Зачем я вам?

– Как свидетель. Без вас никто не поверит. Вы единственное доказательство, – он подумал и добавил: – И для меня самого, я действительно себе не верю.

– Только для этого? – живо спросила она.

Слава тебе Господи, она произнесла это с обидой, как произносили женщины всех времен, подчиняясь древней потребности – услышать слова признания, извлечь их из мохнатого мужского нутра.

– Нет, не только, – пробормотал Погосов. Он заставил себя посмотреть ей в глаза.

– Чего вы хотите?

– Оставайтесь.

– Времени уже нет, поздно. Был у нас с вами момент. Мы его упустили.

– я? я ничего не упустил. Когда это?

– На этом самом месте. Прошлый раз. Вас тогда более всего занимала загадка следов.

– И что же это я упустил?

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Мы могли бы провести это время иначе, но вы выбрали следы.

Она сообщила это с некоторым злорадством. Было и огорчение, однако та обида или досада не давала ей покоя, и теперь она не преминула уязвить Погосова.

- Да, да, вы шли не за мной, а за ними.

- Черт возьми! Извините, то были еще не вы, то была случайная встреча, для одноразового приключения.

Честно говоря, некоторая необычность, конечно, тогда чувствовалась, но утро на эту особу тратить не следовало, другое дело, вечером, после ужина, чтобы все получилось само собою. Не прислушался он к тем сигналам, они поступали, как говорится, из свернутой реальности, не доступной наблюдению, еле уловимые сигналы.

- Как раз то была я. Больше, чем я сейчас. Но теперь я понимаю ваш выбор. Выбирая, конечно, что-то теряешь. Не всегда мы знаем, что именно потеряно. Да, выбор это и приобретение, но и всегда потеря. Не ругайте себя. Вы выбрали то, что хотели, и кое-что вы приобрели. Может, не так мало.

- Нет, нет, это была ошибка.

- Неблагодарный вы человек. Взвесьте сами: в лучшем случае уложили бы в кровать еще одну особу. Не надо морщиться, элементарная мужская задача. Знали

бы - за голову схватились, - тайну природы променял на бабу! - Рука ее легла Погосову на плечо. - Я изучила вас.

Изучила? Может, и так, во всяком случае, эта женщина знает его лучше всех других. Она снимала всякие его характеристики, сравнивала виртуальные варианты его поведения, его экстремальные состояния, неизвестно, что они еще там вывели.

- ...слишком высокого мнения вы были о своем предназначении. Другие ценности у вас в счет не шли.

- Вы о чем? - Но он уже догадался и в сердцах стукнул ногой по лодке. А вы разве не такая, вы явились сюда вовсе не романить, вам нужен был подопытный экземпляр. За ним и явились.

Кажется, он попал в цель, что-то с ней произошло, она окинула печальным взглядом берег, холодное небо, тусклый блеск залива, дымку над дальним городом и сникла, зябко поежилась.

- Ничего нам не исправить, - что-то она еще хотела сказать, но не успела, прислушалась, сердито кивнула кому-то невидимому, неразборчиво ответила.

Погосов поклялся бы, что она слушает и говорит без всяких аппаратов, чего, конечно, быть не могло. Он не выдержал:

- Вы переговариваетесь! Как это происходит?

Лера невесело улыбнулась.

- Вот видите!

- Тьфу! Действительно, на кой это мне. Спросите: вам можно задержаться? Хоть ненадолго.

- Нет, невозможно.

- Значит, мы больше не увидимся?

Она кивнула.

- Какой-то дурдом, - сказал Погосов.- Все запрограммировано! - Он вдруг вспыл.

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Вы и в тот раз не смогли бы остаться. Так что нечего мне травить.

Взгляд ее с нежностью скользил по его лицу.

- Может, надо было все стереть... И меня стереть из вашей памяти. Наверное, Грег был прав, - она вопросительно остановилась.

- Что ж вы ему помешали?

- Мне хотелось хотя бы так задержаться...

Она не договорила, улыбнулась виновато, жалко, от этой улыбки можно было прийти в отчаяние. Вдруг обняла его, прижалась всем телом, губами к его губам, всей своей телесностью, он же стоял болван болваном, очнулся, когда она исчезла, словно истаяв. Утренний берег опустел, то была первобытная пустыньность. Торчали древние серые валуны. Сосны чуть шевелили заиндевевшими ветвями. Стали появляться

звуки - потрескивало, звенело, шелестело, - и звуки эти были древние.

Ничего не осталось от нее. Только их парные следы, мужские и женские, петляя, вели к перевернутой лодке, здесь потоптались, дальше к поселку потянулся одинокий след больших мужских кед.

Под вечер на своем помятом стареньком "Москвиче" прикатил заместитель Погосова по лаборатории Наум Тырса. Привез на подпись отчет, заявки, ксероксы статей из "Physical Review".

Топилась печка. Погосов в ковбойке сидел перед огнем. Был он хорошо поддавши. Бутылка "Столичной" стояла у его ног и банка с огурцами. Допили остатки. Погосов хотел открыть новую. Тырса отказался, он был за рулем. По какому поводу шеф надрался, выяснить не удалось. Известно было, что Погосов в одиночку не принимал. О лабораторных делах не расспрашивал, требовал пойти на берег что-то посмотреть. Угломонить его не удалось.

Из леса выползали сумерки. Темные дома стояли за позеленелым штакетником. Тырса придерживал Погосова, умеряя его шаг. Рассказывал про старшего лаборанта Муркина. Появился на новой "Тойоте". Откуда у него, спрашивается? Недоучка, бездельник. Он, Тырса, кандидат наук, мается со старым драндулетом, а этот прохиндей...

- Представляешь! Мне растолковали, откуда. Помнишь его фефелу лохматую. Она теперь в банке. Наш Муркин ее пристроил, это тоже мафиозная история, и она внедрилась туда, как вирус, ну и, соответственно, они теперь затеяли большой шахер-махер - участок бывшего нашего пионерлагеря оттяпать под загородное казино.

Тырса клокотал от возмущения, брызги летели из-под усов, когда он описывал, как эта фефела продала дом своей матери, а ее сунула в больницу для престарелых.

- Всех подмазали, начальство боится с ними связываться. Вчера Муркин при всех заявил, что в Австрию за приборами поедет он. Смешно, да? Но факт. Так и будет. Уверяю тебя.

На берегу размахнулся во всю ширь горизонта закат. Лес, пляж, воды замерли, глядя на действие, творимое небом. Там, пылая, бежали краски, смешивалось лиловое с алым, лимонным, рыжим, и все это плавилось в сказочном золоте, отблески золотили вершины облаков.

Погосов смотрел, как прошедший день тонул вместе с встречей, с чудом, расставанием, погружался в небытие, уходил безвозвратно.

- Нет, как тебе это нравится, - продолжал Тырса, не в силах остановиться. - Не могу видеть безнаказанность. Подумаешь, кандидат наук, сказал он, - это при всех, мол, кандидатскую можно сляпать за две тысячи баксов, запросто! И сляпают, смешно, но факт!

Они стояли у перевернутой лодки, лицо у Погосова было незнакомое, нездешнее, и

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Тырса замолчал.

Чайки выстроились по кромке льда, смотрели не на закат, а на них.

- Вот, когда я не сплю, у нас с тобой общий мир, - вдруг сказал Погосов, - а во сне у меня свой собственный, никому не известный. Спрашивается, зачем он дается человеку?

Никогда прежде Погосов не делился своим интимным. Он мог жить внутри своего ума, и Тырса завидовал ему.

- Посмотри, Наумчик, смотри как следует. - Погосов шаг за шагом повел его до того места, где женский след обрывался. - Что это, по-твоему, значит?

Тырса поежился от ветра, поднял воротник куртки, предположил без интереса:

- Мало ли, могла на дельтаплане улететь.

- Ну что ты городишь. Господи, почему ты не хочешь вникнуть?

- Тогда это был ангел, ничего другого.

Тырса не стал выяснять, зачем ангелу ходить на каблуках, почему ангел обязательно женского рода. Факт, что залетела в эту глухомань какая-то шалава и отвлекла шефа, откалывая свои номера.

Судя по тому, как Погосов заставлял Тырсу вглядываться, запоминать, ахать, он чуть ли не всерьез рассматривал этот феномен. Инженерская натура Тырсы не признавала чудес вроде левитации, чудо не то, что против законов природы, а всего лишь то, что нам не известно о природе. Плохо, если из-за какой-то сучки у шефа начнутся галлюциногенные явления. Вполне возможно, что шеф зациклился на своем исследовании.

Присев на корточки, Погосов пьяно наблюдал, как осыпался песок внутри следа. Песчинка за песчинкой отрывались от стенки и падали. След мелел и сглаживался.

Тырса остался ночевать. Наутро Погосова мутило. Тырса отпаивал его крепким кофе. Погосов смотрел, как по дощатой столешнице полз муравей.

- Все на земле кормятся бесплатно. Кроме человека, - сказал Тырса. - И у всех жилье бесплатное.

Погосов подошел к зеркалу, постоял, разглаживая подглазья, неодобрительно покачал головой.

- Ну и харя.

Пока он брился, бренчал соском умывальника в сенях, прыгал, приседал, Тырса осторожно расспрашивал, удалось ли шефу продвинуться, и насколько, и появился ли просвет.

Погосов уставился на него, с трудом усваивая вопросы.

- Просвет, а как же... появился, только с другой стороны.

Что сие означало, Тырса не понял, виновато улыбаясь, попробовал прояснить, прояснял осторожно, поскольку тема была запретная, болезненная и мог произойти взрыв.

- Не лезь, - остановил его Погосов, потом мутный взгляд его просветлел. - Есть, Наумчик, вещи, в которые лучше не вникать. Что тебе неймется?

- Потому что на тебя бочку катят.

Подождал, но Погосов не заинтересовался, смотрел в окно, за которым накрапывал дождь и не то ветер шумел, не то доносился с моря прибой.

Вздыхая, поеживаясь, Тырса выложил печальные новости, не хотел расстраивать

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Погосова, но теперь, видно, не избежать: счета арестованы, военных прижали за махинации, у директора инфаркт, вместо него будет Андрианов, который уже заявил, что старик виноват, потакал любимчикам вроде Погосова, отпустил его, тем самым сорвал сроки, заказ не выполнен.

Недослушав, Погосов потянулся, шумно зевнул.

- Перебрал я вчера... Вались они все за ящик. Пошли ты их.

Послать можно, можно запросто, если б знать, что Погосов добился своего и будет на коне.

- Ничего они нам не сделают, не дергайся.

- Ты не понимаешь, гранта нам не дадут. Денег не платят третий месяц. Народишко разбежится, надоело всем на картошке сидеть. Ликвидируют нас.

Тырсу все больше раздражало равнодушие шефа. С ним тоже считаться не станут. Еще немного, и зачислят банкротом. Тырса надеялся, что он тут по уши погружен, ведь ни о чем другом думать не мог. А он, оказывается, надрался из-за какой-то... Шестикрылый серафим ему явился.

Тырса сел верхом на стул, достал платок, оглушительно высморкался.

- Баба научным занятиям противопоказана. Вреднейшая помеха, извини меня, надо или - или.

Погосов подошел к нему, погладил его седеющий ежик.

- И море, и Гомер - все движется любовью.

- Так это же стихи, - определил Тырса. - Я вижу, мы вляпались.

- Не бойсь, я тебя уверяю, нам никто не помеха.

- Ты можешь мне толком сказать, когда у тебя все будет готово?.. Так, чтобы всем представить?..

Погосов покривился, будто его донимали о чайнике - когда закипит, закипит ли? Ну куда он денется, закипит. Вдруг вспомнилась бабкина приговорка: "Видно, так на роду написано". Как озадачивало - где оно написано? Кто-то где-то пишет? Теперь он знал.

- Все будет хорошо, ручаюсь, - повторял он, машинально просматривая бумаги: заявки, требования, отчеты, - ставил подпись, откладывал письма.

- Там одно письмо из Стокгольма, срочное, - предупредил Тырса, - от твоего приятеля Густава.

- От Густава? - Голос Погосова дрогнул.

Дважды он прочел приглашение участвовать в Международном симпозиуме по плазме в Торонто на январь будущего года: "...пришли примерное название твоего доклада. Обнимаю. Густав".

- Что с тобой? - спросил Тырса.

Взгляд Погосова стоял на нем неподвижно, наконец Погосов встряхнул головой, отмахиваясь от чего-то, с трудом сказал, что надо ответить немедленно электронной почтой. И продиктовал свое согласие выступить и примерное название - о природе полученных явлений при таких-то режимах.

Тырса заулыбался восхищенно, потряс кулаком.

- Слава тебе, Господи! Значит, порядок! Я знал, что ты добьешь эту штуковину. Иначе быть не могло. Мы все верили! Я помню, как ты сказал перед отъездом: "Стану делать, что надо делать, а там пусть будет, что будет". Выходит, что у тебя все готово?

- Будет готово.

- Ты уверен?.. А вдруг сорвется? Мало ли что выплывет. Я ведь чего боюсь, чтобы тебя не обогнал какой-нибудь шакал.

- Никто меня не обгонит, - безучастно сказал Погосов.

- Может, потянем с ответом?

- Сегодня же передай по мейлу. И добавь: "Дорогой Густав, я всегда буду..." Нет, лучше так: "Дорогой Густав, я никогда не забуду твоей сердечности".

Зашевелилось где-то на чердаке, в домике шла своя деревянная жизнь, шеле-стело, поскрипывало, вздыхало.

- Знаешь, я человек суеверный, я боюсь заглядывать наперед, - виновато сказал Тырса, - слишком много было неудач. Но раз ты так уверен... значит, у тебя главное сделано, доказательства то есть... Шутка ли - международный симпозиум!

Погосов походил по комнате и вдруг сказал:

- Сон не доказательство... Что смотришь, ну приснились мне и решение, и ответ. Менделееву тоже приснилась его система. Так и мне. В готовом виде. Без всякого счастья трудных дорог.

- И слава Богу! - вскричал Тырса. - Хорошо вам, гениям.

- Еще бы. Теперь можно ничего не делать, все пойдет своим путем.

Не понять было, шутит он или всерьез.

- И как скоро, как ты думаешь?

- Закакал, что тебе нейдет?

- Потому что не время решает, а пора.

- Пора, она не ихняя.

- Не упустить бы, Серега, я тебя умоляю, не отвлекайся.

Чтобы не расстраивать шефа, он умолчал, что самую большую комнату лаборатории собираются сдать под коммерческий интернет-центр, аппаратуру продать, Тырсу предупредили, чтобы помалкивал. На них не было управы. Власть перешла к хапугам. Земной суд бездействовал, и Божий не спешил. Тырса не знал, чем можно остановить эту саранчу. Он жаждал возмездия. Теперь он предвкушал час расплаты.

Все же его смущало поведение шефа.

- Ты должен ликовать, а ты чего-то киснешь. Если ты выйдешь на всемирность, тогда нам никто не страшен.

За круглой железной печкой сушились дрова. Погосов вытащил несколько поленьев, отодрал бересту, чиркнул спичкой, кора затрещала, свернулась, закудрявились желтые огоньки, вскоре в топке потянуло, загудело.

- Насчет шакала, между прочим, ты прав, - сказал Погосов. - Не я, так другой додумался бы. Я иногда слышу, как целая толпа мчитесь позади. Я только на час вырвался вперед, еще немного - обойдут, так что все равно, не я, так другой, а ты мне покажи, где я, Сергей Погосов, где я, в чем я единственный и неповторимый?

Он сидел на корточках перед печкой, и Тырса не видел его физиономии, слышал только голос, в котором были горечь, недоумение, будто Погосов обсуждал не себя, а другого человека.

- Специалист вроде меня, не корифей, обычный типовой доктор наук, он обойдет

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
маленькие ошибки и, если повезет, выйдет, знаешь, куда? На большое заблуждение!
Вот и вся игра. Спрашивается, стоит ли ради этого профукать свою жизнь? Нет уж,
извините. Получилось у меня, и достаточно. Есть другие миры. Жизнь не сводится к
работе.

Что-то, наверное, Тырса заподозрил. Или учуял, слишком яростно он вцепился в
него – какое может быть заблуждение, до него еще добраться надо. Пока что ему
подвалило счастье – хватай его обеими руками, и нечего мудрить.

Он носился по комнате, расписывая, какой втык устроит всем неверующим. Настоящий
талант – это не фуфры-мухры, талант свое возьмет.

Он заглядывал в лицо Погосову, заглядывал с искательной улыбкой, позади которой
был страх. Он все еще не верил, боялся поверить, радовался и боялся своей
радости, поведение Погосова сбивало его с толку.

Баба? Бабий фактор временный, бабы приходят и уходят, сколько их перебивало у
шефа. Наука – вот постоянное прибежище. Что может быть прекраснее вдохновенного
мига, когда после всех мытарств, провалов вдруг тебя осенило. Пускай во сне.
Случись что-либо подобное у Тырсы, Боже ты мой, как вознесся бы он над
непривлекательным своим существованием!

В печке оглушительно выстреливали горящие поленья. Погосов вдруг спросил:
интересно, как получается такой звук?

Тырса обиженно молчал. Тогда Погосов подошел к нему, взял его за плечи.

– Знаешь, Наумчик, что остается от всей нашей суеты? Совсем не то, что мы
считаем. В конце концов остается одно-единственное – любовь.

Тырса молчал.

– Согласен?

– У кого как, – мрачно отозвался Тырса. – Мне, например, это не положено.

– То есть?

– А то, что мне твоя любовь не по карману. Мне положено одно, тебе другое. Мне
положен секс. Прimitивный. Полбанки в подъезде, остальное на подоконнике. Можно
в машине, но там слишком много гимнастики. Да ты оглянись, дорогуша, кто у нас
может заниматься любовью при такой зарплате и питании. Это для олигархов, они
блудодеи, они покупают любую. Настоящая любовь – дело графское. Ты, что, Алексей
Вронский?

Когда он заводился, слюна летела из его щербатого рта, морщин становилось
больше, чем лица. Он давно уже выглядел куда старше Погосова, хотя они были
одногодки, вместе кончали институт. Несколько лет назад Погосов с трудом вытащил
его из мастерской по ремонту телевизоров. "Сделал отверстие в его душевой

судьбе", – как выразился Тырса.

Долги, нужда одолевали его. На днях он услышал, как его дочери-двойняшки
обсуждали своего папаню: не тот достался им, от него ни денег, ни имени, ни
перспектив. Жена пилила за то, что он ушел из мастерской. Там зарабатывал куда
больше.

Его вдруг прорвало: в парикмахерскую сходить – денег нет, острижет жена
ножницами кое-как – и ладно. А в чем он ходит – костюм брата донашивает!
Никогда он не позволял себе жаловаться, но тут его несло и несло. Он обращался
уже не к Погосову, а к тем, кто там, наверху, кто вздувает цены на жилье, тепло,
продукты, кто распоряжается их существованием, всей этой страной, не пригодной
для честной жизни. Какая тут может быть любовь. То, что у Сергея произошло,
наверняка обман, повсюду обман. Следы на песке цирковой номер. Мистика,
кабалистика, левитация; все эти паранормальные химеры такая же ложь, как и все
остальное.

Погосов не спорил, смотрел издали, словно не различая ни Тырсу, ни прочих
предметов. Никак было не пробиться к тому Погосову, которого Тырса, казалось,
знал наизусть, что-то непроницаемое возникло между ними.

Они вышли во двор. Дул холодный ветер, в воздухе неслись последние мерзлые
листья. "Москвич" никак не заводился, Тырса материл его старческую немощь и свою

Оборванный след. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
незадачливость, пока наконец машина не всхлипнула, рыгнула черным дымом и затарахтела

Долго прогревалась машина. Стараясь развлечь шефа, Тырса изображал, какое он вызовет потрясение в институте, утверждая культ Спящего гения, Открывающего во сне.

- О чем ты? - спросил Погосов, и все, о чем говорил Тырса, потеряло смысл.

На обратном пути Тырса решил никому не рассказывать о странностях Погосова. Ехал он медленно, раздумывая над словами Погосова; чем дальше, тем труднее было разобраться, кто из них прав.

Скорее всего, в жизни ничего не остается, ни от любви, ни от научной работы. Он ругал себя за то, что не сумел избавить Погосова от химеры, которая так заморочила его душу. Бедный Погосов, единственный друг, лучшее, что приобрел Тырса в своей неудачной, ничем не обозначенной жизни.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!